

Баканов Сергей Алексеевич

**УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА:
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ОТРАСЛИ
ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО УПАДКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

ЕКАТЕРИНБУРГ – 2012

Работа выполнена на кафедре новейшей истории России ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Официальные оппоненты:

ЗАПАРЬИЙ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор. ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург.
Заведующий кафедрой истории науки и техники.

ФЕЛЬДМАН МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор. Уральский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Екатеринбург. Профессор кафедры государственно-политического управления.

КАРПОВ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

Доктор исторических наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет», г. Тюмень.
Профессор кафедры истории и культурологии.

Ведущая организация:

**ФГБУН ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, г. Москва.**

Защита состоится «19» октября 2012 г. в 12⁰⁰ час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал Ученого совета, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук

Л.Н. МАЗУР

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема достижения человечеством пределов роста, впервые поднятая еще Р.Т. Мальтусом, в современном мире все чаще связывается с ограниченностью ресурсов, доступных человеку. На протяжении двух последних столетий процесс модернизации требовал от обществ, им охваченных, все большего вовлечения ресурсов в экономику. В целях стимулирования экономического роста и извлечения прибыли в разработку попало большинство известных месторождений минерального сырья. Часть из них продолжает активно эксплуатироваться, другие исчерпали запасы, что привело к ликвидации сопряженных с ними производств, третьи были по различным причинам законсервированы. В течение нескольких ближайших десятилетий пик добычи будет пройден многими ресурсодобывающими отраслями во многих регионах мира, а по ряду отраслей этот пик к настоящему моменту оказался уже далеко позади. Все это делает актуальным изучение опыта тех региональных отраслевых комплексов, которые уже полностью завершили цикл своего развития. Характерным примером такого законченного цикла можно считать историю становления и развития угольной промышленности на Урале – в одном из важнейших и крупнейших индустриальных районов России, где потребность в освоении собственной топливной базы ощущалась особенно остро.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является угольная промышленность, как одна из подсистем топливно-энергетического комплекса уральского региона. **Предметом исследования** выступает процесс развития угледобывающей отрасли Урала на разных стадиях ее жизненного цикла, а также факторы, воздействующие на данный процесс.

Хронологические рамки исследования объясняются временем существования на Урале угольной промышленности как самостоятельной отрасли региональной экономики. Нижняя граница относится к концу XVIII столетия, когда было открыто первое каменноугольное месторождение на западном склоне Уральских гор поблизости от Кизеловского завода и начала действовать первая штольня. Однако долгое время добыча носила, в основном, экспериментальный характер и промышленное значение она приобрела только в середине XIX века. Верхняя граница – первое десятилетие XXI в. объясняется завершением жизненного цикла угольной отрасли на Урале. К этому моменту на всех уральских месторождениях угля был начат, а в большинстве случаев и завершен, процесс ликвидации добывающих предприятий. К моменту написания диссертации (2011 год) добычные работы по углю в ограниченном виде производились только на одном предприятии региона. Таким образом, основные стадии жизненного цикла уложились в полтора – два столетия от получения экспериментальных партий уральского угля в конце XVIII–первой половине XIX в., через создание мощного отраслевого комплекса в 30-50-е годы XX в., к полному выводу данного товара с рынка в начале XXI в.

Территориальные рамки исследования определяются географическим расположением имеющих промышленное значение месторождений угля на Урале. По традиции, принятой в Минуглепроме СССР, к бассейнам и месторождениям Урала относятся: Кизеловский угольный бассейн, расположенный на территории современного Пермского края, Богословское, Волчанское, Егоршинское и Буланаш-Елкинское месторождения в Свердловской области, Челябинский

угольный бассейн и Полтаво-Брединское месторождение в Челябинской области, а также ряд месторождений Южно-Уральского бассейна, расположенных на территории Башкортостана и Оренбургской области. На всех вышеперечисленных месторождениях в XIX–XX вв. были построены угледобывающие предприятия, ориентированные на сбыт своей продукции, в первую очередь, уральским потребителям и ставшие, таким образом, частью топливной базы уральской индустрии. Исключение составил Печорский угольный бассейн, который географически может быть отнесен к месторождениям Урала, однако, экономически он был ориентирован не на уральский топливный рынок, а на обслуживание нужд предприятий и населения Севера Европейской части РСФСР. По этой причине он остался за пределами данного исследования.

Степень изученности темы. Изучение истории угольной промышленности СССР началось относительно поздно, только после Великой Отечественной войны, в ходе которой со всей очевидностью проявилась значимость топливно-энергетического комплекса для народного хозяйства страны. В обобщающих трудах выдающихся советских экономистов П.И. Ляшенко, А.П. Погребенского, С.Г. Струмилина, П.А. Хромова по истории народного хозяйства СССР в 1940-50-е гг., появились разделы, посвященные топливной промышленности¹. Обращает на себя внимание тот факт, что работы, подготовленные экономистами, географами и ведомственными специалистами были нацелены на изучение более ранних периодов развития отрасли, нежели у их коллег-историков. Так, в работах Г.Д. Бакулева, А.А. Зворыкина, Б.В. Тихонова было подробно изучено становление отечественной угольной промышленности в XVIII–XIX вв.² Причем работа последнего имеет особую ценность для настоящего исследования, так как в ней уральская угольная промышленность впервые была описана как часть горнозаводской системы, призванная компенсировать возрастающую нехватку древесного топлива в регионе. Вниманием к ранним этапам развития отрасли отличаются и исследовательские труды ведомственных специалистов, написанные при участии высших руководителей советской угольной промышленности Б.Ф. Братченко и Ф.Ф. Кузюкова³. В их монографиях основное внимание хотя и уделялось текущему состоянию дел в подведомственной им отрасли и перспективам дальнейшего ее развития, но все же в них присутствовали и достаточно объемные исторические сюжеты, затрагивающие ранние этапы существования отрасли.

В советской исторической науке тема истории угольной промышленности СССР и отдельных его регионов отнюдь не была периферийной. Начиная с 1950-х

¹ См.: Ляшенко П.И. История народного хозяйства Т.II. Капитализм. М. 1953; Погребенский А.П. Государственно-монополистический капитализм в России: Очерк Истории. М., 1959; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодалный период. (1500—1860). М. 1954; Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX-XX вв. (1800-1917). М., 1950.

² См.: Бакулев Г.Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955; Зворыкин А.А. Первооткрыватели каменноугольных бассейнов СССР. М., 1950; Тихонов Б.В. Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в. (историко-географические очерки). М., 1988.

³ См.: Кузюков Ф.Ф., Кириллова В.Г. Социальное развитие и подготовка кадров в угольной промышленности. М., 1983; Перспективы развития угольной промышленности СССР / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 1960;

гг. по различным проблемам, связанным с историей угледобычи было защищено около шестидесяти кандидатских и докторских диссертаций. Наибольшее количество диссертационных работ (18) было посвящено Донецкому угольному бассейну, далее (по 13 диссертаций) следовали Кузбасс и угольные месторождения Казахстана, развитие бассейнов Европейской части РСФСР описывалось в 6 работах, месторождений Восточной Сибири – в 3, Кавказа – в 3, Средней Азии – в 2, Урала – в 2. Все эти исследования роднит между собой ряд признаков, связанных с доминирующей принадлежностью абсолютного большинства этих диссертаций к специальности «история КПСС». Так, наиболее подробное освещение в них получили такие сюжеты как: деятельность партии по подготовке рабочих кадров, борьба парторганизаций за повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины и технический прогресс в отрасли, коммунистическое воспитание и культурно-просветительская работа среди шахтеров, участие коммунистов в восстановлении работы угольных бассейнов страны после Великой Отечественной и гражданской войн, создание второй и третьей угольной базы страны и др. Исследовалась и количественная сторона развития отрасли – рост добычи по отдельным бассейнам, техническое перевооружение шахт и разрезов, темпы строительства новых добывающих предприятий, рост производительности шахтерского труда, процент выполнения плановых заданий. Все это подавалось как несомненное достижение партийного руководства отраслью. В общем, это была история «сплошного успеха». О недостатках, конечно же, писалось, но почти всегда в ключе их преодоления, чего требовал соцреалистический канон. Собственно в преодолении этих недостатков, описаниями которых пестрят отчеты комиссий обкомов и крайкомов КПСС, цитируемые в вышеуказанных диссертациях, и понималась борьба партии за развитие отрасли. Помимо идеологической заданности, еще одним общим местом всех этих диссертаций является то, что они создавались в период, когда описываемые в них бассейны находились на восходящих стадиях своего развития, а, следовательно, авторам этих работ по объективным причинам не удалось увидеть конечные результаты развития отрасли. Более того, отсутствовало само понимание того, что индустриальное развитие может идти и по нисходящей. Вера в прогресс и марксистская методология исключали саму возможность этого для социалистических обществ.

В постсоветской историографии история угольной промышленности оказалась гораздо менее востребованной, несмотря на то, что обновление методологического аппарата, произошедшее в 1990-х гг. и отказ от идеологических клише открыли новые возможности в освещении этой темы. Существенное значение для изменения методологических подходов к изучению истории российской угледобычи имел выход докторских диссертаций В.П. Машковского и К.А. Заболотской⁴. В этих исследованиях впервые был преодолен определенный исторический оптимизм в отношении развития отрасли, присущий трудам предшественников. Впервые были поставлены вопросы о недостатках в научно-технической политике государства в угольной промышленности и впервые отмечен циклический характер развития отраслевых комплексов. К.А. Заболотская первой

⁴ См.: *Машковский В.П.* Экономические преобразования и научно-техническая политика партии в угольной промышленности страны (1965 – август 1991). Томск, 1992; *Заболотская К.А.* Угольная промышленность Сибири (конец 1890-х гг. – начало 1990-х гг.). Екатеринбург, 1996.

из исследователей оторвалась от узких хронологических границ и представила развитие угольной промышленности Кузбасса как процесс большой длительности (*long durée*), имеющий более чем столетнюю историю. В докторской диссертации С.В. Кушнирука спустя сорок лет после исследований советских экономистов получил свое детальное описание процесс монополизации российского угольного рынка и в качестве важнейшего двигателя развития угольной отрасли в начале XX в. был предложен фактор конкуренции⁵. Из немногочисленных диссертационных работ начала XXI столетия стоит назвать исследования Д.В. Воронина, Е.А. Степанова и М.В. Берсенева, посвященные развитию Кузнецкого бассейна в последние десятилетия XX в.

Обобщающих работ по истории угольной промышленности России в советской историографии создано не было, и начали появляться они только относительно недавно – в начале 2000-х гг. на волне общественного интереса к судьбам углепромышленных территорий, переживающих острую стадию процесса реструктуризации. Наиболее подробно история отрасли представлена в коллективном труде «История угледобычи в России», изданном в 2003 г. под общей редакцией одного из самых авторитетных руководителей Минуглепрома СССР Б.Ф. Братченко⁶. Книга богата как фактическим материалом, в том числе масштабными статистическими приложениями, имеющими самостоятельную ценность, так и выверенными теоретическими построениями. В работе впервые предложена хронология развития отечественной угольной промышленности, показан процесс институциональной эволюции отрасли, описаны исторические вызовы, стоявшие перед отраслью на различных этапах. Другой значительной работой стало исследование, проведенное В.Д. Кательниковым и А.А. Кобяковым о социально-экономическом положении российских шахтеров в различные исторические эпохи⁷. Они показали исторические предпосылки изменения социального статуса шахтеров, вызванные сначала строительством «угольной» экономики, а затем вытеснением угля из топливного баланса страны.

История подчинения человечеством энергии каменного угля и поиск возможностей применения его для нужд различных отраслей промышленности нашли свое отражение в исследованиях А.А. Иголкина, а также в коллективной работе уральских ученых В.В. Запария и А.А. Кауфмана⁸. Особенности осуществления «энергетического перехода» в России и его связи с индустриальной модернизацией посвящена монография В.Л. Некрасова⁹. Историческое «соревнование» нефти и угля в модернизирующемся хозяйстве России оказалось в

⁵ См.: *Кушнирук С.В.* Монополия и конкуренция в угольной промышленности Юга России в начале XX века. М., 1998.

⁶ См.: *Грунь В.Д., Зайденов В.Е., Килимник В.Г.* и др. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003.

⁷ См.: *Кательников В.Д., Кобяков А.А.* Уголь и шахтеры в государстве Российском. Экономические и социально-исторические аспекты. М., 2004.

⁸ См.: *Иголкин А.А.* Источники энергии: экономическая история (до начала XX века). М., 2001; *Кауфман А.А., Запарий В.В.* Очерки истории коксохимической промышленности. Екатеринбург, 2007.

⁹ См. *Некрасов В.Л.* Индустриальная модернизация и энергетический переход. Исторические закономерности. Мировые тенденции. Опыт России. Майкоп, 2008.

центре внимания И.А. Дьяконовой¹⁰. В своем исследовании она убедительно показала через международные сопоставления, что выбор, сделанный в пользу строительства «угольной» экономики во многом способствовал консервации отставания России на пути модернизации. Продолжению конкурентной борьбы угля с нефтью и природным газом уже в условиях советской экономической модели уделяется внимание в работах М.В. Славкиной, и авторского коллектива книги «Нефть страны советов»¹¹.

В самостоятельный блок научной литературы следует выделить исследования проблем реструктуризации угольной промышленности, проводившиеся российскими экономистами и социологами. Если работы 1990-х гг. носят в большей степени постановочный характер (в них изучаются причины, приведшие к реструктуризации, подчеркивается ее необходимость и неизбежность, описывается международный опыт и анализируются меры, предпринимаемые российским правительством в ходе реструктуризации¹²), то исследования 2000-х гг. ориентированы уже на изучение проблем, связанных с реализацией программы реструктуризации и социально-экономических последствий ее осуществления¹³. Особое значение для формирования фактологической базы настоящего исследования имел труд коллектива института экономики УрО РАН, созданный в сотрудничестве со специалистами ЦНИИуголь, в котором были проанализированы социальные последствия ликвидации предприятий угольной промышленности на примере Кизеловского бассейна¹⁴. Одним из масштабных процессов, сопровождающих реструктуризацию было шахтерское забастовочное движение, динамике которого в России конца 1980-1990-х гг., его внутренней структуре и хронологии, изменению требований рабочих, политической обстановке вокруг забастовок и результатам движения посвящены работы В.П. Андреева, Д.В. Воронина, В.А. Борисова, Л.А. Гордона и др.¹⁵

¹⁰ См.: Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999.

¹¹ Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945 – 1991 гг.: Монография. – М., 2007; Нефть страны советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917 – 1991) /Под общ. ред. действ. чл. РАЕН, д.э.н. В.Ю. Алекперова. М., 2005.

¹² См.: Малышев Ю., Зайденов В., Зыков В., Краснянский Г., Саламатин Д., Шафраник Ю., Яновский А. Реструктуризация угольной промышленности: теория, опыт, программы, прогноз. М., 1996; Аристов А.М. Реструктуризация угольной промышленности: цели и ограничения. Научный доклад. Екатеринбург, 1999; Крутой пласт: шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Под ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, И.С. Кожуховского. М., 1999.

¹³ День шахтера: реструктуризация угольной промышленности глазами участников. М., 2004, Копысова А.С., Перминова Н.И., Орлова Е.А. Проблемы адаптации местного населения Кизеловского бассейна после ликвидации угольной отрасли. // Уголь. №2, 2003; Рожков А.А. Социально-экономические последствия реструктуризации угольной отрасли России. Избранные труды. М., 2003; Щукин В.К. Социально-экономические проблемы реструктуризации угольной отрасли. М., 2003.

¹⁴ Козаков Е. М., Рожков А.А., Шеломенцев А.Г., Калиновская В.А., Орлова Е.А. Социальные последствия реструктуризации экономики углепромышленных районов. Препринт. Екатеринбург, 2001.

¹⁵ См.: Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтеры и шахтерское движение в Кузбассе в 1989 – 1991 гг. Кемерово, 2002; Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ

Изучение развития угольной промышленности Урала на протяжении двух столетий неизбежно потребовало обращения автора настоящего исследования к обобщающим трудам по истории хозяйства Урала. Так, для понимания внутренней логики развития горнозаводской системы и горных округов Урала в XIX – начале XX вв. привлекались работы Н.Н. Алеврас, Т.К. Гуськовой и Л.В. Сапоговской¹⁶. Ориентиром в перипетиях индустриализации Урала в XX столетии стали работы А.В. Бакунина, А.Э. Бедея, В.Н. Зуйкова, В.Б. Ничкова¹⁷. Фундаментальное значение для изучаемой темы получила двухтомная коллективная монография «История народного хозяйства Урала», изданная в конце 1980-х гг. в Свердловске¹⁸. В этом труде топливная промышленность региона была выделена в самостоятельные подразделы внутри построенных по хронологическому принципу глав книги. Причем динамика уральской угледобычи была вписана в контекст всего промышленного развития края. Проблемы использования трудовых ресурсов региона и социальные характеристики уральских рабочих, в том числе и шахтеров, нашли свое отражение на страницах исследований Д.В. Гаврилова, С.П. Постникова, М.А. Фельдмана, Г.А. Гончарова¹⁹. В этих работах поднимались вопросы мотивации труда, в том числе и принудительных ее форм, заработной платы, повседневной жизни рабочих, их политической культуры.

Среди общих работ по истории хозяйства Урала в XX в. особое место занимают труды по изучению проблемы Урало-Кузбасса, так как форсирование добычи угля на Урале в 1930-40-е гг. во многом было связано с реализацией данного проекта. Решение теоретических и практических вопросов деятельности Урало-Кузнецкого комбината раскрывается в работах уральских историков П.Г. Матушкина, Г.Е. Корнилова, В.П. Тимошенко, А.Э. Бедея и др.²⁰ Однако

шахтерского движения за 1989 – 99 гг.). М., 2001; *Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В.* Шахтеры-92: социальное сознание и социальный облик рабочей элиты. М., 1993.

¹⁶ См.: *Алеврас Н.Н.* Уральский кризис в начале XX в.: специфика промышленной субкультуры // Урал в событиях 1917 – 1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999; *Сапоговская Л.В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX – XX вв. Екатеринбург, Банк культурной информации. 2007; *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие: Монография. Нижний Тагил, 2007.

¹⁷ См.: *Бакунин А.В.* Формирование уральского индустриального комплекса // Октябрь на Урале: история и современность. Индустриальное развитие Урала и борьба за ускорение научно-технического прогресса. Свердловск, 1988; *Бакунин А.В., Бедей А.Э.* Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994; *Зуйков В.Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале. М., 1971; *Ничков В.Б.* Век уральской энергетики. Свердловск, 1983.

¹⁸ См.: История народного хозяйства Урала (1917 – 1945) Часть 1. / Редколл. М.А. Сергеев и др. Свердловск, 1988; История народного хозяйства Урала (1946 – 1985). Часть II. Свердловск, 1990.

¹⁹ См.: *Гаврилов Д.В.* Рабочий класс Урала в период домонополистического капитализма (1861 – 1900 гг.). М., 1985; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900-1941 гг.). Екатеринбург, 2006; *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914-1941 гг. Екатеринбург, 2001; *Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006.

²⁰ См.: Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее. /Под ред. А.П. Окладникова/ Кемерово, 1978; *Матушкин П.Г.* Урало-Кузбасс. Челябинск, 1965; Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сборник статей и документов / под ред. Е.Т. Артемова, Г.Е. Корнилова, В.А. Ламина. Екатеринбург, 2010.

основное внимание эти авторы все же уделяют развитию в рамках комбината металлургии и угольной промышленности Кузбасса, в то время как местный уральский уголь оказался на периферии их исследовательского интереса.

Обращает на себя внимание тот факт, что непосредственно уральским угольным бассейнам за все время их существования были посвящены только две диссертации по историческим наукам – Г.И. Дедова и П.Г. Агарышева²¹ и только одна публикация в ведущем научном журнале – История СССР, осуществленная в 1973 г. А.Ф. Васильевым²². Причем все вышеперечисленные работы сосредоточились только на одном, хотя и важнейшем для уральской угольной промышленности периоде Великой Отечественной войны. В этих работах были изучены такие проблемы отрасли военного периода, как формирование шахтерских кадров в условиях мобилизации населения на фронт, развитие топливного кризиса на начальном этапе войны, борьба за повышение производительности труда и ввод в действие новых предприятий, героический труд уральских горняков, роль парторганизаций в обеспечении энергосистемы региона бесперебойным снабжением топливом и др. Если исследование Г.И. Дедова ограничилось только Кизеловским угольным бассейном и его вкладом в победу, то работы П.Г. Агарышева и А.Ф. Васильева охватывали уже весь уральский регион и вписывали местные угольные бассейны в контекст развития всего топливно-энергетического комплекса региона. Следует заметить, что докторская диссертация П.Г. Агарышева стала закономерным итогом двадцатилетнего изучения данной темы, начатого еще в 1950-е гг. работами по истории Челябинского угольного бассейна.

К другой героической странице уральской угольной промышленности времен гражданской войны обращены исследования В.И. Данилова, Д.И. Ткалича, В.Е. Лапина в которых показана роль, которую сыграли уральские бассейны (в частности Челябинский) в победе большевиков над контрреволюционными силами и сложности, с которыми пришлось столкнуться новой администрации копей после освобождения их от колчаковцев²³.

Дореволюционный период уральской угольной промышленности долгое время оставался наименее изученным, так как отсутствовали специальные работы ему посвященные. Тем не менее, в 1980-е гг. наступил определенный перелом. Наряду с уже упоминавшимся фундаментальным исследованием Б.В. Тихонова, появились статьи А.В. Дмитриева, в которых было проанализировано социально-экономическое положение уральских шахтеров, в том числе и в сравнении его с положением рабочих в других отраслях промышленности края²⁴. Однако затем, в

²¹ См.: *Агарышев П.Г.* Решение партией топливно-энергетической проблемы Урала в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Москва, 1977; *Дедов Г.И.* КПСС в борьбе за развитие Кизеловского бассейна в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Молотов, 1953.

²² См.: *Васильев А.Ф.* Развитие угольной промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1973. №3.

²³ См.: *Данилов В.В., Ткалич Д.И.* Героический период работы челябинских копей (1919-21 гг.) Челябинск, 1958; *Лапин В.Е.* Челябинские каменноугольные копи в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) / Троицкий вестник. № 2, 2007.

²⁴ См.: *Дмитриев А.В.* Рабочие угольной промышленности Урала в период империализма (1900 – 1917 гг.). // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма. Сборник научных трудов. Свердловск, 1989; *Дмитриев А.В.* Лесные рабочие горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861 – 1904 гг.) // Формирование

1990-е гг. эти работы, к сожалению, не получили продолжения и последовал почти двадцатилетний перерыв в изучении темы, который был прерван только в 2008 г., защитой диссертации А.С. Грузинова о хозяйственном комплексе владельцев Кизеловского горного округа князей Абамелек-Лазаревых²⁵. Автор обратился к совершенно неисследованным ранее пластам исторических источников – бухгалтерской документации промышленных предприятий и переписке заводоладельцев по финансовым вопросам. Это позволило ему построить непротиворечивую картину экономического функционирования горнодобывающего предприятия, показать место и роль угольной промышленности в структуре хозяйства Кизеловских заводов, определить доходность этого бизнеса.

Отдельно следует остановиться на вкладе краеведов в изучение истории угольных бассейнов и шахтерских городов Урала. Так, Кизеловский бассейн и связанные с ним населенные пункты Кизел, Гремячинск, Губаха и др. оказались в центре внимания К. Латохина, С. Пуцилло, К. Улина, А.К. Воронкова, А.Ф. Хавина, Н.М. Ванюшина, Г.И. Дедова, В. Лялина и Г. Сулейманова, Б.З. Морозова и Р.Т. Сафина. Челябинскому бассейну и городам Копейск, Коркино, Еманжелинск посвящены работы М.Г. Семенова, М.Ф. Заикина, П.Г. Агарышева, Ю.А. Панкратова, И.Г. Шолудько, А.М. Эллиса, С.А. Баканова, Б.Н. Мещерякова, И.А. Тынтерова, Е.Ф. Корсуновой, Л.К. Сусловой, В.И. Ефановой и И.Н. Сабирова. Об угольных месторождениях Свердловской области и основанных на их территории городах Артемовский, Карпинск и Волчанск писали О.И. Брулева, С. Варламов, А. Кибальчич, П. Коверда, А.И. Брылин, Ю.А. Заиченко, В.Н. Федоров, А.Н. Шмаков, А.В. Лебедева. Развитие Южно-Уральского бассейна и города Кумертау получило освещение в работах Е. Киселева, Б.А. Базарова, Н.И. Лаврова, А.Г. Низамова.

Особенностями краеведческой литературы являются пристальное внимание к мельчайшим фактам, касающимся истории конкретной территории, эмоциональность и красочность описания. Неизбежным в контексте городской истории является обращение краеведов к истории градообразующей отрасли, которая при этом представляется ими через деятельность отдельных лиц и организаций. Книги по истории шахтерских городов содержат большое количество персональной информации о выдающихся горняках и «капитанах» угольной промышленности, отрывки из их воспоминаний, сюжеты о появлении в городе тех или иных горняцких традиций и культурных артефактов, чествование передовиков и героев. Как правило, эти работы не избегают и некоторой статистической информации, показывающей значение конкретной территории для общесоюзной добычи. Однако данной литературе, в силу жанровой специфики, присущ и ряд очевидных недостатков, среди которых можно выделить: отсутствие в большинстве случаев научно-справочного аппарата, затрудняющее верификацию выводов, отсутствие критического разбора используемых источников, которое иногда приводит к оперированию не проверенными фактами, определенный исторический оптимизм, выражающийся в фиксации авторов почти всегда только на успехах изучаемых ими городов. Впрочем, это последнее замечание в большей степени адресовано краеведческим сочинениям советского периода, в то время как

рабочего класса Урала периода капитализма. Препринт. /отв. ред. Буранов Ю.А. Свердловск, 1986.

²⁵ Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек – Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009.

для постсоветских работ характерно ностальгическое настроение, связанное с тоской по «золотому веку» города, пришедшему на годы максимальной добычи, когда шахтерские города чувствовали по отношению к себе внимание областных и союзных властей. Реструктуризация угольной промышленности наложила свой отпечаток на современные краеведческие работы, уравнивая в них сюжеты по истории угледобычи с историями предприятий других отраслей, имеющимися в бывших шахтерских городах. Краеведческие тексты в условиях отсутствия специальных исследований по истории уральской угледобычи долгое время заполняли историографическую лакуну, выполняя не только собственно краеведческие, но и, отчасти, академические функции, так как на них в значительной степени ссылались, в соответствующих разделах, авторы обобщающих работ по истории хозяйства и рабочего класса Урала.

Таким образом, история угледобывающей промышленности уральского региона до сих пор не получила своего комплексного описания как в силу определенной географической и хронологической разрозненности исследований, так и в связи с ограниченностью использовавшихся макротеорий.

Цель и задачи работы. Целью диссертации является исследование жизненного цикла регионального отраслевого комплекса на примере угольной промышленности Урала. Для достижения данной цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

- выделить и проанализировать основные этапы жизненного цикла угольной промышленности Урала;
- выявить факторы, оказывавшие воздействие на развитие отрасли на различных этапах ее жизненного цикла;
- исследовать причины, условия и механизмы смены этапов жизненного цикла угледобывающей отрасли;
- рассмотреть региональные особенности развития угледобывающей промышленности на Урале;
- раскрыть социально-экономические последствия развития угольной промышленности на Урале.

Методологическая база исследования основывается на использовании теоретических подходов, разработанных в обществоведении второй половины XX в., таких как неоинституциональная теория, теория модернизации и теория жизненного цикла товара, которые открыли возможность для изучения исторической динамики отрасли на протяжении временных интервалов большой длительности (100 – 200 лет).

Неоинституциональная теория, разработанная в трудах нобелевских лауреатов Д. Норта и Р. Коуза²⁶, подчеркивает значение формальных и неформальных общественных институтов в исторической динамике социально-экономических систем. Институциональные изменения любой подобной системы измеряются ею с позиций увеличения или уменьшения различных видов экономических и общественных издержек. Применительно к теме настоящего исследования институциональная теория позволила проследить долгосрочные последствия реформ в отрасли и экономике в целом, в том числе и изменения форм

²⁶ См.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; *Коуз Р.* Фирма, рынок и право: сб. статей. М., 2007.

собственности, в контексте их влияния на последующую динамику отраслевого комплекса.

Теория модернизации, предложившая альтернативную марксистской модель социальных трансформаций, сформировала понимание закономерностей исторических изменений на длительных временных интервалах²⁷. С позиций данной теории современные общества пережили в течение двух последних столетий два качественных скачка в развитии, проявившихся в последовательных трансформационных переходах сначала от традиционного (аграрного) общества к индустриальному и далее к постиндустриальному или информационному. Построение экономики, основанной на масштабном потреблении угля, является одной из важнейших характеристик индустриальной стадии, и отчасти составляет сущность процесса индустриализации, в то время как постиндустриальная экономика потребовала энергетического перевооружения и перехода к потреблению других углеводородов. Большую помощь в работе оказали обобщающие труды по теории модернизации, созданные уральскими историками В.В. Алексеевым и И.В. Побережниковым²⁸.

Теория жизненного цикла товара (product life cycle) стала закономерным продолжением идеи циклического развития экономической конъюнктуры, описанной в трудах Дж. М. Кейнса, Н.Д. Кондратьева, Г. Хаберлера и Й. Шумпетера²⁹. Опираясь на труды этих великих экономистов XX в. Теодор Левитт в 1965 г. предложил концепцию цикличности в жизни промышленных товаров, а уже в 1966 г. Раймонд Вернон предпринял исследование международных инвестиций и международной торговли с позиции данного подхода³⁰. Непосредственным толчком к созданию теории послужили результаты анализа структуры экспортной торговли США. Выяснилось, что происходят изменения набора отраслей, составляющих основу конкурентоспособности страны на мировом рынке. К 1980-м гг. теория цикла жизни товара и, соответственно, отрасли этот товар производящей стала базовой для таких разделов экономической науки, как маркетинг, стратегический менеджмент и корпоративное планирование. Наиболее широко теория жизненного цикла товара (продукта, отрасли, организации) представлена в работах таких авторов как: К. Боумен, У. Кинг, Д. Клиланд, Ж.Ж. Ламбен, Б.

²⁷ См.: Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М., 2000.

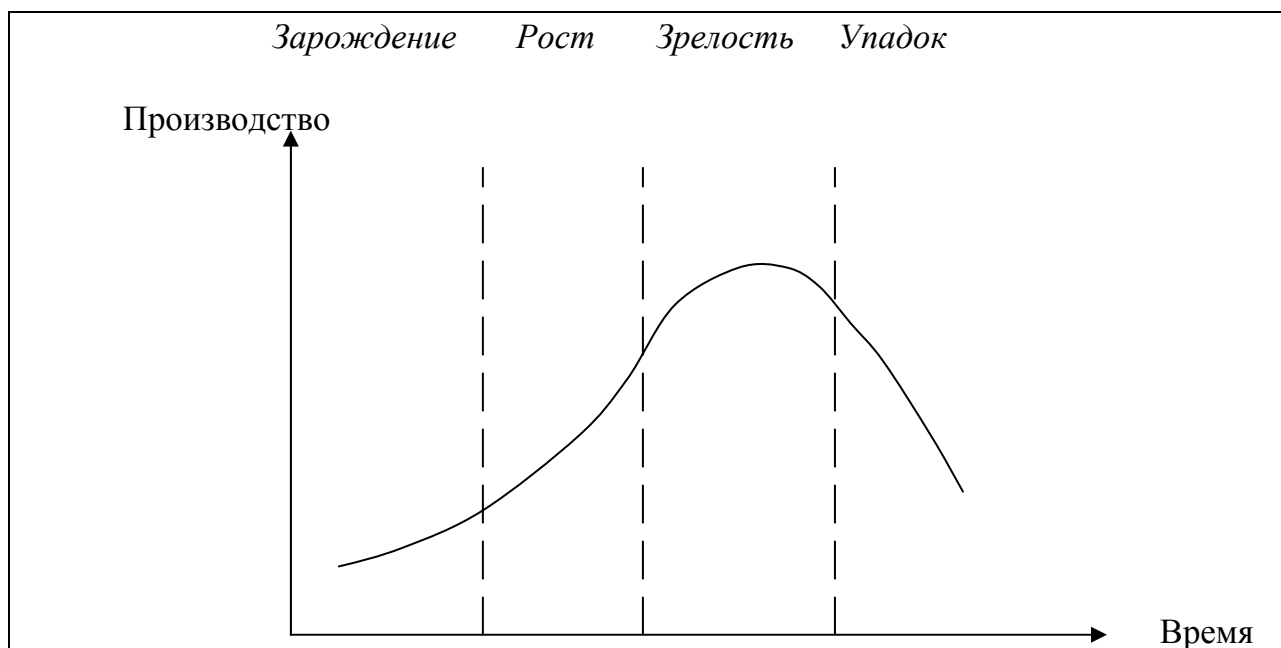
²⁸ См.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. № 5–6. С. 8–49; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М.: Наука, 2000. 246 с. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

²⁹ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007; Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избр. тр. / Сост. Ю.В.Яковец. М., 2002; Хаберлер Г. Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск, 2008; Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

³⁰ Levitt T. Exploit the Product Life Cycle // Harvard Business Review. Vol. 43, November-December 1965, pp. 81-94; Vernon R. International Investment and International Trade in the Product Life Cycle // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 1, № 2, 1966, pp. 190-207.

Мильнер, М. Портер, К. Уорд и др.³¹ В отечественной науке эти идеи развивали М.И. Басс, С.Ю. Глазьев, Г.П. Грингель, В.Ф. Ершов, В.П. Коломников, Д.С. Львов, Н.В. Махров, К.В. Садченко, В.Н. Самочкин, В.П. Синенко, Г.Г. Фетисов, Е.Я. Филиппцева, Г.В. Широкова, Е.Г. Яковенко и др.³²

Рисунок 1. Жизненный цикл товара (теоретическая модель)

В основе жизненного цикла товара лежит идея стремления рыночной экономики к равновесию спроса и предложения, которое ведет к равновесию производства товара и его потребления. Под жизненным циклом товара и отрасли, которая его производит, в самой широкой интерпретации понимается промежуток времени от замысла изделия до его снятия с производства и продаж³³. Исходным

³¹ См.: Боумен К. Основы стратегического менеджмента. М., 1996; Кинг У., Клиланд Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика. М., 1982; Уорд К. Стратегический управленческий учет. М., 2002; Ламбен Ж.Ж. Стратегический маркетинг: Европейская перспектива. М., 1999; Мильнер Б. Теория организации. М. Инфра-М, 2001; Портер М. Конкурентные стратегии в развивающихся отраслях // Стратегический процесс / Под ред. Г. Минцберга, Дж. Б. Куина, С. Гошала. СПб: Питер, 2001.

³² См.: Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М., 1990; Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М., 1992; Яковенко Е.Г., Басс М.И., Махров Н.В. Циклы жизни экономических процессов, объектов, систем. М., 1991; Самочкин В.Н. Фазы жизненного цикла изделий и планирование гибкого развития предприятия // Маркетинг в России и за рубежом. 1998. № 5. С. 3-9; Стратегии бизнеса: Аналитический справочник. Айвазян С.А., Балкинд О.Я., Баснина Т.Д. и др. / Под ред. Г.Б. Клейнера. — М., 1998; С. 31-35; Мхитарян С.В. Отраслевой маркетинг. М., 2006. Садченко К.В. Законы экономической эволюции. М., 2007; Грингель Г.П. Планирование «жизненного цикла» промышленной продукции. Ленинград, ЛГУ, 1980; Коломников В.П., Яковенко Е.Г., Филиппцева Е.Я. Динамика объемов и продолжительности производства продукции. М., НИИАтомпром, 1973; Синенко В.П., Ершов В.Ф. Управление жизненным циклом товара в предпринимательских структурах. СПб, 2004; Широкова Г.В. Жизненный цикл организации. СПб, 2008.

³³ См.: Яковенко Е.Г., Басс М.И. Циклы жизни экономических процессов, объектов и систем. М., 1991. С. 14.

положением концепции является представление о том, что продукт, производимый отраслью, в своей экономической жизни проходит несколько этапов:

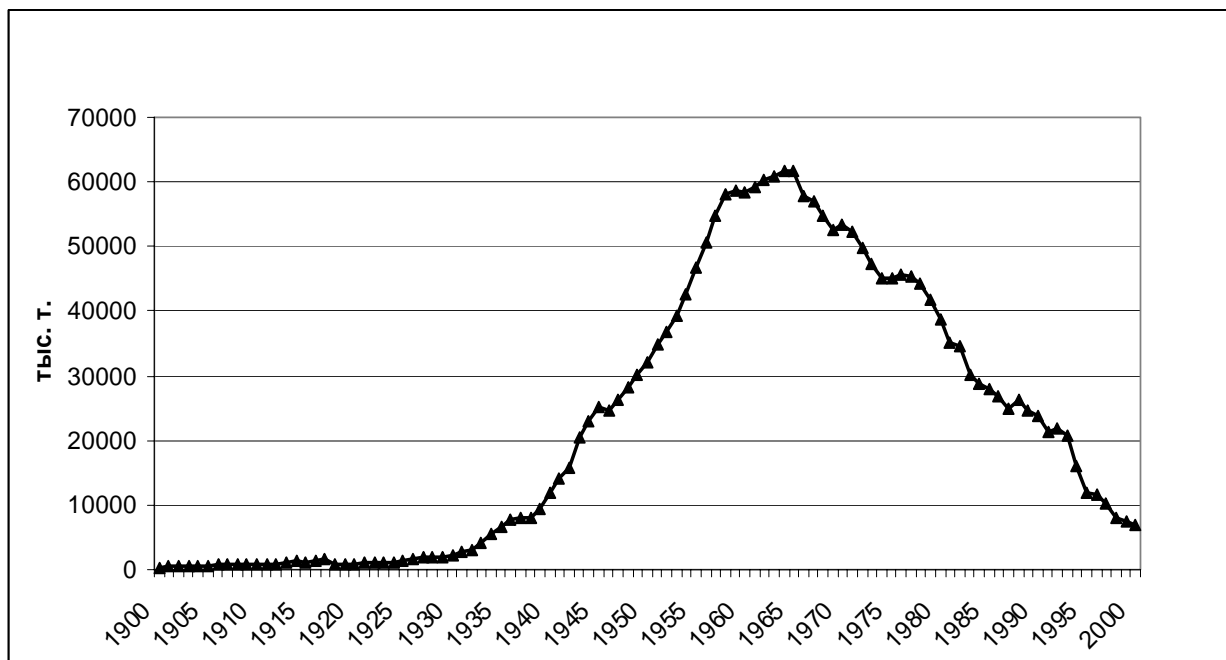
1) «Зарождение». На этом этапе первые партии продукта разрабатываются и внедряются на рынок, где продукту предстоит получить признание. Это сопряжено с высокими рисками, поскольку всегда вероятен провал нового продукта. Отрасль активно поглощает инвестиции и при этом медленно выходит на уровень минимальной рентабельности.

2) «Рост». Когда продукт получает признание на рынке, наступает следующая фаза его жизненного цикла, в течение которой объем продаж растет быстрыми темпами. На данном этапе на рынок данного продукта часто проникают новые компании, которых привлекают быстрый подъем спроса и возможность получить прибыль при не высоком риске, происходит расширение производственных мощностей отрасли.

3) «Зрелость». Спрос на любой продукт неограничен, поэтому со временем рынок насыщается, темпы роста продаж замедляются, и периодически возникает избыток производственных мощностей. При этом, ужесточение конкуренции вынуждает производителей сокращать издержки на единицу продукции: ликвидировать малоэффективные управленческие звенья, увеличивать загрузку производственных мощностей и т.п.;

4) «Упадок». Спрос на продукт начинает сокращаться относительно быстрыми темпами из-за изменения вкусов покупателей. На этом этапе конкуренция внутри отрасли сокращается, но испытывается сильное давление со стороны товаров-заменителей. Для дальнейшего сокращения издержек проводится реорганизация управления и реструктуризации отрасли³⁴.

Рисунок 2. Динамика добычи угля на Урале (тыс. т.).

Рассчитано по: Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г., Малышев Ю.Н., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России / Под общ. ред. Б.Ф. Братченко – М., 2003. С. 459 – 474.

³⁴ См.: Широкова Г.В. Жизненный цикл организации. СПб, 2008. С. 35-36.

Исходя из концепции жизненного цикла, все отрасли можно разделить на четыре группы: инновационные, развивающиеся, зрелые и переживающие спад. В разных местах (странах, регионах) одни и те же отрасли могут находиться на различных стадиях жизненного цикла, и эти различия определяются состоянием и динамикой местных рынков.

На рисунке 2. представлены ежегодные объемы добычи угля в уральском регионе только за одно XX столетие, так как в XIX в. объемы добычи были столь ничтожны, что слились бы с осью *X* на графике. Тем не менее, рисунок четко передает основные направления динамики добычи, повторяющие очертания жизненного цикла товара с рисунка 1. Длительная стадия зарождения, берущая корни в XIX в., сменяется в 1930-е гг. довольно бурным ростом, продолжавшимся до конца 1950-х гг., когда кривая добычи стабилизировалась, свидетельствуя о наступлении стадии зрелости отрасли, с середины 1960-х гг. отмечается поступательное сокращение объемов добычи, достигшее в начале XXI в., почти нулевой отметки. Подобное поведение кривой линии на графике указывает на наличие однозначной циклической зависимости, что позволяет применить к анализу развития угольной промышленности Урала теорию жизненного цикла отрасли.

Помимо современных общетеоретических подходов, в диссертации использовались и традиционные методы исторического исследования. Историко-системный метод позволил выявить место уральской угольной промышленности в иерархии хозяйственных систем, охарактеризовать структуру отрасли, проанализировать ее функции и взаимосвязи с другими системами. Историко-динамический анализ использовался при изучении развертывания процесса развития отрасли на длительном временном интервале и построении периодизации этого процесса. Историко-сравнительный метод оказался необходим при выделении региональных особенностей уральской угольной промышленности, их тождества и отличий от отраслевых комплексов других регионов и стран. Историко-генетический метод позволил проанализировать смену этапов в развитие отрасли через систему причинно-следственных связей. Кроме того, при работе с количественной информацией широко использовались элементы статистических методик анализа динамических рядов и описательной (дескриптивной) статистики.

Источниковая база. Оперирование методологическими принципами, характерными для вышеназванных теорий определили подход к формированию эмпирической базы настоящего исследования, ориентированный на раскрытие механизмов развития отрасли на мезоуровне. В силу этого основное внимание уделялось не отдельным шахтам и разрезам, которые к тому же не имели производственной самостоятельности, а объединениям предприятий (тресты, комбинаты и пр.), действовавшим в пределах целых месторождений и бассейнов уральского региона. Разумеется, микроуровень отдельной шахты и макроуровень отрасли в масштабах всей страны не остались совершенно без внимания, но все же основной материал группировался по уральским угольным бассейнам. В итоге сложилась эмпирическая база исследования, которая охватывает несколько крупных комплексов как опубликованных, так и, в значительной степени, неопубликованных материалов.

1. Законодательные и нормативные акты, регулирующие развитие угледобывающей промышленности. К ним относятся «горные уставы» 1832, 1842, 1857, 1866 и 1893 гг., задававшие институциональные рамки для осуществления

угледобычи. В Советский период большое значение для развития отрасли имели совместные постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР (далее – ЦК КПСС и Совета Министров СССР), имевшие статус нормативных актов. Эти документы не только определяли задачи текущего момента в развитии отрасли, но и раскрывали стратегические замыслы руководства страны в отношении нее. Наибольшее значение для развития отрасли на Урале имело несколько таких постановлений: 1933 г. – «О работе угольной промышленности Донбасса»; 1939 г. – «О развитии добычи угля на Урале»; 1941 г. – «О развитии добычи угля в восточных районах СССР»; 1970 г. – «О совершенствовании организации управления угольной промышленностью». Кроме того, в работе использовались постановления Государственного комитета обороны, а также Федеральные законы и постановления российского правительства.

II. Делопроизводственная и планово-отчетная документация ведомств, руководивших работой угольной промышленности страны и уральского региона. К этой группе источников относятся отложившиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ) документы наркомата (Ф.8225), а затем министерства угольной промышленности СССР (Ф.14) и министерства угольной промышленности восточных районов СССР (Ф.8629), действовавших в разные годы при них главных управлений геологии (Ф.8688), строительства шахт и разрезов (Ф.8708, Ф.9294); Высшего совета народного хозяйства (Ф.3429) и действующих при нем главных управлений топливной и горной промышленности Цугпром (Ф. 8082.) и Главгортоп (Ф. 8365.); Государственной плановой комиссии СССР (Ф.4372) Народного комиссариата топливной промышленности (Ф.7837), Государственного комитета топливной промышленности (Ф.236), главных управлений по топливу – Главтоп (Ф.3139) и угольной промышленности – Главуголь (Ф.7566) наркомата тяжелой промышленности. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) отложились материалы Министерства топливной промышленности РСФСР (Ф. А-151 и Ф. А-632) и подчиненного ему Главного управления угольной и нефтяной промышленности (Ф. А-164.). В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) сохранились документы учреждений в разные годы руководивших развитием отрасли в региональном масштабе – это фонд Уполномоченный председателя Особого совещания по топливу (Ф. 111), Уральский областной Совет народного хозяйства (Ф. Р-339), Промышленное бюро Президиума ВСНХ на Урале (Ф. Р-95) и Управление топливной промышленности Средне-Уральского совнархоза (Ф. Р-1967.).

В фондах всех вышеперечисленных ведомств содержится богатейшая информация о проектах развития как отдельных бассейнов и месторождений, так и отрасли в целом. Приказы наркомов, министров и руководителей главков отражают механизм управления угольной промышленностью и слабые места в ее развитии, плановая документация демонстрирует задачи, определенные предприятиям отрасли директивными органами. Отчеты всевозможных проверяющих комиссий раскрывают реальное положение дел в отрасли и степень выполнения приказов, директив и постановлений, спускавшихся на предприятия сверху. В фондах центральных ведомств сохранились и ежегодные отчеты некоторых комбинатов, трестов и производственных объединений угольной промышленности, которые утрачены в фондах самих этих предприятий.

Следует отметить, что наибольшая информативность характерна для фондов, относящихся к первой половине XX в., в то время как с 1960-х гг. происходит

существенная формализация делопроизводственной документации, особенно отчетной и сокращение подлежащих хранению ее разновидностей. Значительную помощь при работе с ведомственными материалами 1960-80-х гг. оказала диссертационная работа В.Д. Бенасюкевича «Управленческая документация как исторический источник (на материалах Минуглепрома СССР)» (Москва, 1977), в которой был предпринят скрупулезный источниковедческий разбор различных типов и видов делопроизводственной документации Минуглепрома³⁵. Проделанный автором труд позволил сориентироваться в сложных внутриведомственных порядках и инструкциях.

III. Делопроизводственная и планово-отчетная документация предприятий угольной промышленности Урала. Данный комплекс включает в себя документы трестов, комбинатов, и производственных объединений Урала, занятых угледобычей, отложившиеся в региональных архивах. Так, фонды комбината «Челябинскуголь» (Ф. Р-962 и Ф. Р-1283) сохранились в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), а комбината «Кизелуголь» (Ф. Р-1151) и подчиненных ему трестов «Кизелуголь» (Ф. Р-1322) и «Коспашуголь» (Ф. Р-1323) соответственно в Государственном архиве Пермского края (ГАПК). Документальный комплекс комбината «Башкируголь» оказался разделен между Центральным государственным историческим архивом республики Башкортостан (ЦГИАРБ), куда попали материалы за первые несколько лет существования комбината и Архивным отделом администрации муниципального образования город Кумертау Республики Башкортостан (Ф. 64), где отложилась основная часть документов. В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) сохранились материалы Богословского горного округа (Ф. 45.), которому принадлежали до 1917 г. Богословские копи, Государственного треста, а затем комбината каменноугольной промышленности Урала «Уралуголь» (Ф. Р-604 и Ф. Р-2553), объединявшего в 1920-30-е гг. большинство угледобывающих предприятий региона, трестов и производственных объединений «Волчанскуголь» (Ф. Р-2225) и «Вахрушевуголь» (Ф. Р-2270.). К сожалению, фонд еще одного треста «Егоршинуголь» в момент проведения данного исследования оказался недоступен для изучения, так как был расшит и подготовлен к передаче на хранение в филиал ГАСО в городе Каменск-Уральский.

В делах богато представлены программы производства угля для конкретного бассейна или месторождения, годовые финансовые отчеты по производственной и прочим видам деятельности, переписка с центральными ведомствами по различным вопросам, инструкции и приказы начальников комбинатов, разнообразные справки о работе структурных подразделений и т.п. Этот пласт источников отражает развитие отрасли в разрезе самостоятельных предприятий – трестов, комбинатов и т.п., вплоть до отдельной шахты или разреза. На данном уровне агрегирования материала видны те проблемы, с которыми сталкивались добывающие предприятия непосредственно при выполнении директив, спускаемых им сверху и те решения, которые позволяли эти проблемы преодолевать.

IV. Директивные и делопроизводственные документы КПСС. Важное значение для понимания промышленной политики и роли в ней угольной промышленности СССР в целом и Урала в частности имели стенографические

³⁵ См. Бенасюкевич В.Д. Управленческая документация как исторический источник (на материалах Минуглепрома СССР). Дисс. канд. ист. наук. Москва, 1977.

отчеты и директивы по пятилетним планам съездов КПСС. Контроль за выполнением партийных директив возлагался на партийные органы угледобывающих регионов в лице обкомов КПСС, при которых создавались либо отделы угольной промышленности, либо различные проверяющие комиссии. Поэтому в фондах этих организаций сохранился крупный пласт достаточно разноплановой документации, касающейся развития угольных бассейнов. В настоящем исследовании задействованы материалы Челябинского областного комитета КПСС (ОГАЧО, Ф. П-288), Свердловского областного комитета (Ф. 4, Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)), Пермского областного комитета и Верхне-Камского окружкома (Ф.105 и Ф.156 Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ)). Наиболее масштабно здесь представлена работа партии по улучшению условий труда и быта шахтеров, борьба за выполнение плановых заданий, работа с обращениями граждан, организация социалистического соревнования и различных кампаний по ударничеству, стахановскому движению и др. Партийные проверки вскрывали на предприятиях такие недостатки, которые зачастую ускользали из внимания других проверяющих органов. А неудовлетворительные результаты проверки в отдельные периоды могли привести к кадровым перестановкам.

V. *Делопроизводственная документация профсоюзов* играла для настоящего исследования вспомогательную роль, однако она способствовала раскрытию материального положения шахтерских кадров, проблем повседневной жизни горняков и участия шахтеров в забастовочном движении. В работе были задействованы материалы фондов Центральных комитетов профессиональных союзов горнорабочих и угольщиков, хранящихся в ГАРФ (Ф. Р-5459 и Ф. Р-7416) и Челябинского областного комитета профсоюза угольщиков (ОГАЧО, Ф. П-136).

VI. *Материалы советских учреждений и муниципальных органов власти угледобывающих городов* представлены документами трех архивных организаций – Архивного отдела администрации Копейского городского округа Челябинской области (Ф.69), где отложились документы Копейского городского совета депутатов, касающиеся проблем преодоления монопрофильности в развитии шахтерского города, текущего архива администрации Копейского городского округа, где собраны документы по реструктуризации ОАО «Челябинскуголь» и архивного отдела муниципального образования город Кумертау Республики Башкортостан, в котором сохранились протоколы работы плановой комиссии Кумертаусского горсовета по проблемам деятельности разрезов «Башкиругля». Документационные комплексы шахтерских городов оказались востребованы в настоящем исследовании в силу того, что градообразующие предприятия в моногородах оказывали огромное воздействие на всю социальную сферу этих поселений.

VII. *Аналитические обзоры и материалы совещаний работников угольной промышленности.* К этой группе источников относятся отраслевые обзоры, издававшиеся на рубеже XIX – XX вв. специалистами горного дела И. Фелькнером, А.А. Радцигом, А.А. Вольским, В.Э. Деном³⁶. Среди них наибольшую ценность для

³⁶ См.: *Фелькнер И.* Каменный уголь и железо в России. СПб., 1874; *Радциг А.А.* Каменноугольная промышленность всего света: добыча, потребление, цены. СПб., 1898; *Вольский А.А.* Русское каменноугольное хозяйство. СПб., 1905; *Ден В.Э.* Каменноугольная и железнодорожная промышленность. СПб., 1912.

настоящего исследования имеет публикация Ф.Ф. Годлевского – первая работа, непосредственно посвященная угольной промышленности Урала, в которой была предпринята попытка систематизировать информацию по разрозненным копиям региона³⁷. В 1920-е гг. публикация подобного рода обзоров, касающихся Урала, продолжилась³⁸. Помимо чисто статистической информации в этих обзорах оценивалось качество и теплотворность углей различных месторождений, обеспеченность копей техникой и горняцкими кадрами, экономические вопросы развития копей, анализ спроса на продукцию отдельных предприятий. Особое место среди этих работ занимают труды крупного организатора и руководителя угольной промышленности В.М. Бажанова³⁹, в которых уральский отраслевой комплекс вписывался в единую систему топливоснабжения страны. В середине 1930-х гг. подобные обзоры перестали публиковаться и с этого момента они имели исключительно внутриведомственное хождение с грифом «для служебного пользования». Только в конце 1950-х гг. некоторая часть завесы секретности была снята и появились опубликованные материалы геологических совещаний работников различных бассейнов, среди которых центральное место занимают материалы совещания по Кизеловскому бассейну⁴⁰, переживавшему в тот момент переломный этап своего развития. Данное совещание стало первым, где с высокой трибуны было заявлено о туманности перспектив угольных бассейнов Урала в связи с исчерпанием их запасов и из-за ошибок, допущенных геологами в предшествующие годы. Однако это издание оказалось единственным из запланированных на Урале и возвращение к этой теме произошло только в 1980-е гг. при определении направлений геологоразведочных работ на Урале на XII пятилетку, и затем в обзоре работы отрасли за 1991 г.⁴¹

VIII. Статистические сборники и справочники, касающиеся развития отрасли, оказались незаменимыми при составлении динамических рядов различных показателей отраслевого развития и сравнения ситуации по различным бассейнам. Наибольшее значение в этой связи имел справочник «Угольная промышленность СССР за 50 лет»⁴², изданный в 1968 г., в котором были собраны колоссальные по объему статистические данные. Несколько сотен экономических и технических переменных были сведены в таблицы по отдельным районам СССР и даже в разрезе отдельных комбинатов Минуглепрома СССР. Ничего подобного не

³⁷ См.: *Годлевский Ф.Ф.* Современное положение каменноугольного дела на Урале. Пермь. 1894.

³⁸ См.: *Решетич Н.* Добыча и потребление топлива в уральском районе в 1916 – 17 гг. / Промышленный Урал. 1920. № 1; Каменноугольная промышленность Урала и Сибири в 1921 г. М., 1922; Каменноугольная промышленность Урала за первую половину 1922/23 г. М., 1923; *Лазарев Л.* Угольная промышленность РСФСР к 1921 г. Екатеринбург, 1921; Пути развития каменноугольной промышленности Урала. М., 1930.

³⁹ См.: *Бажанов В.М.* Каменноугольная промышленность за 1920 г. (Первая производственная программа Главного угольного комитета и ее выполнение). М., 1920; *Бажанов В.М.* Каменноугольная промышленность СССР. М.-Л., 1925; *Бажанов В.М.* Топливная база СССР в 3-ем году пятилетки. М., 1931.

⁴⁰ См.: Сборник материалов геологического совещания по перспективам Кизеловского каменноугольного бассейна (17-19 апреля 1956 г.) Пермь, 1958.

⁴¹ См.: Угольная база Урала и направления геологоразведочных работ на XII пятилетку и на перспективу. Свердловск, 1986; Основные показатели работы угольной промышленности СССР. М., 1991.

⁴² См.: Угольная промышленность СССР за 50 лет. Статистический справочник. М., 1968.

предпринималось ни до, ни после этого издания, что делает его еще более ценным для исследователя. Из других статистических сборников стоит упомянуть серию «Народное хозяйство СССР» за отдельные годы и материалы Всесоюзных переписей населения (только в контексте изучения проблем населения шахтерских городов).

IX. Воспоминания руководителей отрасли. К сожалению, эта группа источников оказалась крайне немногочисленной. Углепромышленники дореволюционного периода не могли быть опубликованы в Советской России, руководители отрасли 1920-30-х гг. не успели оставить воспоминаний, так как большинство из них пострадало от политических репрессий в конце 1930-х гг. Из следующего поколения капитанов угольной промышленности, работе на Урале было уделено большое внимание только в воспоминаниях И.В. Парамонова, возглавлявшего в разные годы тресты «Челябинскуголь» и «Домбаровуголь»⁴³. А затем уральские бассейны начали вступать в полосу упадка, что снизило интерес отраслевых издательств к публикации мемуаров об этих бассейнах. Для характеристики стахановского движения также привлекались воспоминания А.Г. Стаханова⁴⁴.

Только использование всех вышеперечисленных групп источников позволило охватить разнообразные стороны и уровни отраслевого развития на длительных исторических интервалах и описать их последствия для экономики и социальной сферы уральского региона.

Научная новизна диссертации заключается в постановке проблемы, использовании теоретических наработок экономической науки ранее не применявшихся в исторических исследованиях, что позволяет по-новому взглянуть на динамику отраслевых производственных процессов и закономерности их эволюции, а также во введении в научный оборот большого пласта ранее не использовавшихся исторических источников.

Впервые положения теории *product life cycle* (жизненного цикла продукта) получили эмпирическую проверку историческим материалом на примере процесса большой длительности, протекающего на мезоуровне регионального отраслевого комплекса, коим является развитие угледобычи в уральском регионе, охватывающее около двух столетий. Определена приемлемость применения теории жизненного цикла, разработанной для анализа рыночной экономики, к специфическим условиям экономической истории России XX века.

Разработана авторская периодизация процесса развития угольной промышленности Урала. Изучен вклад Урала в общероссийскую добычу угля в различные исторические периоды и изменение роли угля в топливном балансе самого уральского региона. Выявлены факторы, оказывавшие воздействие на развитие угольной отрасли Урала на каждой из стадий жизненного цикла и описано их влияние.

Охарактеризованы приоритеты государственной политики в отношении развития на Урале собственной угледобычи, исследованы инвестиционные планы и их воплощение, предпринята попытка оценить эффективность сделанных государством капиталовложений. Изучена роль государства в стимулировании роста добычи и в упадке отрасли. Оценены итоги развития отрасли на Урале.

⁴³ См.: Парамонов И.В. Пути пройденные. М., 1966.

⁴⁴ См.: Стаханов А.Г. Жизнь шахтерская. Киев, 1986.

Положения диссертации, выносимые на защиту.

1. За более чем два столетия, прошедших с момента открытия первых месторождений угля на Урале и первых опытов его добычи, угольная промышленность региона прошла законченный жизненный цикл своего развития, включающий четыре этапа: «Зарождение» - с рубежа XVIII – XIX вв. до первой трети XX в.; «Рост» - с конца 1920-х гг. по конец 1950-х гг.; «Зрелость» - конец 1950-х – середина 1960-х гг.; «Упадок» - с середины 1960-х гг. по начало XXI в.

2. На всем протяжении жизненного цикла отрасли на его динамику оказывали воздействие множество переменных, которые условно могут быть объединены в четыре группы факторов: *институциональный* фактор – объединяет вопросы собственности на средства производства отрасли, программы и планы потребителей, возможность диктата со стороны крупных потребителей, структурные реформы и их последствия для отрасли, трансакционные и общественные издержки производства данного товара; *технологический* фактор – в который включены имеющиеся производственные мощности, строительная и инфраструктурная база отрасли, а также технологические возможности производителей и потребителей; фактор *ресурсов* – проявляющийся в проблемах их доступности, себестоимости, обеспеченности отрасли трудовыми ресурсами и их качеством; фактор *конкуренции* – объединяющий динамику развития внутриотраслевых конкурентов, угрозу со стороны товаров-заменителей, а также уровень цен и общую рентабельность отрасли.

3. Важнейшими особенностями угольной промышленности уральского региона было то, что качественные характеристики углей всех месторождений и бассейнов Урала (теплотворность, зольность, ломкость, самовозгораемость и т.п.) позволяли использовать местное минеральное топливо только на энергетические нужды, что изначально ограничивало его рынок сбыта и, следовательно, перспективы добычи. При этом бассейны Урала располагались глубоко внутри территории страны, что делало их стратегически важными для государства. Это проявилось как в годы гражданской войны, так и особенно ярко в годы войны Отечественной, когда доля Урала в общероссийской добыче угля доходила до 20%.

4. Особую роль в развитии уральской угольной промышленности сыграло государство, которое, став собственником отрасли, поставило задачу создать на Урале мощный и современный индустриальный центр, нуждавшийся в энергетических ресурсах. Тем самым, государство стимулировало рост спроса на продукцию отрасли. Одновременно, используя мобилизационные механизмы, оно обеспечило отрасль инвестициями и рабочими руками. Поскольку поставленная задача имела политический характер, государство-собственник некоторое время не обращало внимания на очевидные проблемы с рентабельностью добычи. Однако снижение доли угля в экономике страны вместе с нерентабельностью угледобычи и начавшимся исчерпанием запасов угля снизили объем государственных инвестиций, что привело уральскую угольную промышленность к упадку.

5. За время своего существования угольная отрасль Урала успела накопить обширную социальную и производственную инфраструктуру, включавшую помимо зданий и оборудования шахт и рудников также жилищный фонд шахтерских городов и поселков, объекты соцкультбыта, отраслевые учебные заведения и т.д. В связи с этим, наступление стадии упадка, а затем прекращение жизненного цикла отрасли привели к тяжелым социальным, экономическим и экологическим последствиям для всех углепромышленных территорий региона.

Апробация и практическая значимость работы. Основные положения, результаты и выводы данного диссертационного исследования изложены в 33 научных публикациях автора, в том числе в трех монографиях, общим объемом 36 п.л., и доложены на четырех международных научных конференциях, проводившихся под эгидой Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории: в Москве (2006, 2009, 2011) и Выксе (2007), а также на пяти всероссийских конференциях в Екатеринбурге (2007, 2011), Челябинске (2009), Тюмени (2010) и Новосибирске (2010). Эти результаты нашли применение в реализации научных проектов, получивших поддержку в виде грантов РГНФ, РФФИ и Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме «Мобилизационная модель развития и проблемы ее трансформации в России». Отдельные положения и выводы исследования могут быть использованы при разработке программ социальной реабилитации углепромышленных территорий и стратегических планов развития моногородов, связанных с предприятиями добывающей промышленности.

Структура работы. Исследование построено по хронологическому принципу, состоит из введения, трех глав, разделенных на несколько параграфов (в каждом параграфе имеются подразделы, посвященные отдельным сферам и факторам развития отрасли), заключения, списка источников и литературы, а также приложения, в которое были вынесены некоторые графики и диаграммы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении была обоснована актуальность проблемы, дан анализ ее научной разработанности, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы источниковая база, теоретико-методологические основы, научная новизна и практическая значимость диссертации.

Первая глава – Этап «зарождения» отрасли (конец XVIII – первая четверть XX вв.) состоит из четырех параграфов и хронологически охватывает неоднородный период от открытия уральских угольных месторождений и ввода на уральский топливный рынок первых экспериментальных партий местного минерального топлива до появления первых государственных планов развития отрасли, предполагавших ускоренный рост добычи угля на Урале.

В первом параграфе – «Становление каменноугольной отрасли на Урале в конце XVIII – XIX вв.» дан обзор развития угледобычи и использования минерального топлива в XVIII - XIX столетиях в России в целом и на Урале в частности, описан процесс открытия первых угольных месторождений в уральском регионе: Кизеловского (1783 г.), Егоршинского (1797 г.), Челябинского (1832 г.), прослежена судьба первых добывающих предприятий.

Отсутствие широкого устойчивого круга потребителей способствовало тому, что до конца 1870-х гг. размеры добычи уральского угля оставались крайне незначительными и при этом часто колебались. Это объясняется тем, что вплоть до конца XIX столетия крупными потребителями угля могли выступать в регионе только металлургические заводы, а за пределы региона поставлять уголь было сложно из-за неразвитости транспортной сети. Однако уральская металлургия

имела в качестве своей топливной базы древесный уголь, и только опасность истощения лесных дач горных округов заставляла отдельных заводовладельцев решиться на рискованные вложения в добычу каменного угля.

Ситуация стала меняться в последней трети XIX в., когда Урал был включен в общероссийскую систему железных дорог. Именно железнодорожное строительство сделало добычу местных некоксуемых углей рентабельной, и железные дороги стали основными потребителями продукции уральских копей. Ключевым фактором, способствовавшим постепенному увеличению добычи каменного угля, стала постройка Уральской горнозаводской железной дороги и последующее железнодорожное строительство. Появление новых потенциальных потребителей минерального топлива, на долю которых приходилось около 60% всей добычи в регионе, позволило предпринимателям ввести в строй новые добычные единицы, в том числе на новых месторождениях, и приступить к первичной механизации производства путем устройства на некоторых предприятиях механических подъемников и откатки. Всего за вторую половину XIX в. объемы добычи угля на Урале выросли в более чем 80 раз с 4 тыс. т. до 353 тыс. т., но доля Урала в общероссийской добыче не изменилась, оставаясь крайне низкой на уровне 2%.

Дальнейшее развитие угледобычи сдерживалось сохраняющейся еще определенной обособленностью уральской железнодорожной сети, нехваткой подъездных путей, и отсутствием полных сведений о химических и физических свойствах уральских углей и недостаточной разведкой месторождений, но главным обстоятельством оставалось отсутствие спроса на местные угли у крупнейших металлургических предприятий региона, продолжавших использовать даже во вспомогательных производствах древесноугольный кокс.

Все финансовые и институциональные риски по внедрению нового товара на рынок вынес частный капитал. Казенные горные округа в процессе освоения угольных месторождений Урала практически не участвовали. Отсутствие внимания со стороны государства, а также конкуренция предпринимателей, владевших горными отводами на новых месторождениях, приводили к тому, что геологоразведка во всех бассейнах проводилась фрагментарно, и точных размеров запасов угля за весь период установлено не было ни по одному из бассейнов. Отсутствие информации о запасах сдерживало инвестиции. Предприниматели, за исключением владевших Кизеловскими копиями князей Абамелек-Лазаревых, предпочитали не тратить на развитие инфраструктуры и механизацию предприятий, в результате чего добыча велась достаточно примитивным в техническом отношении способом.

Во втором параграфе – «Угольная промышленность Урала в начале XX века» проанализирован процесс монополизации угольной промышленности России, становление крупнейших российских монополий «Продуголь» и «Копикуз», деятельность которых, в конечном счете, привела к появлению дефицита топлива в стране. На Урале на эти негативные последствия «топливного голода» накладывалось еще и постепенное истощение лесных дач уральских заводов, что заставляло их вкладывать средства в добычу местного угля и переводить на минеральное топливо часть своих технологических цепочек и вспомогательных производств. «Топливный голод» и дорожное строительство позволили приступить к хозяйственному освоению новых бассейнов – Челябинского, Богословского, Егоршинского и Полтаво-Брединского. Теперь,

когда сбыт продукта был относительно гарантирован, предприниматели оценили инвестиционную привлекательность угледобычи и начали вкладывать средства в развитие технической базы отрасли, а с конца 1915 г. в развитии отрасли начинает принимать непосредственное участие и государство.

Однако определенным препятствием для расширения добычи стала нехватка рабочих рук для новой отрасли. Тяжелые условия труда, отсутствие жилья и низкая заработная плата шахтеров не способствовали вербовке рабочих, но повышение заработной платы могло сделать добычу нерентабельной. Чтобы сформировать постоянные кадры шахтеров предприниматели стремились закрепить подряженных рабочих, развивая инфраструктуру рабочих поселков. Во многом, именно из-за нехватки рабочих рук некоторые шахтовладельцы пошли на использование механических врубовых машин, пневматического инструмента, электронасосов и других средств механизации. Несмотря на некоторое удорожание себестоимости, механизация производства способствовала установлению круглогодичного графика работы предприятий, который до ее проведения был невозможен.

Первая мировая война еще более увеличила спрос на уголь. Из-за нехватки, вызванной мобилизациями, рабочих рук на заготовку древесного угля удельный вес каменного угля в топливном балансе уральского региона доходил до 42%. Усилившийся топливный дефицит привел к становлению в 1916-1917 гг. практики государственного регулирования отрасли, через организацию деятельности районных уполномоченных Особого совещания по топливу. Государство попыталось решить проблему трудовых ресурсов путем использования в отрасли в качестве рабочих – солдат и военнообязанных, также привлечением дешевой рабочей силы из-за рубежа (китайские и корейские рабочие) и с помощью широкого применения принудительного труда заключенных и военнопленных. Использование принудительного труда стало мощным импульсом для расширения добычи, которая достигла в 1917 г. своего первого исторического максимума.

Доли отдельных месторождений в общеуральской добыче к 1917 г. распределялись следующим образом: Кизеловский бассейн – 50%, Богословское месторождение – 22%, Челябинский бассейн – 21%, Егоршинское месторождение – 5%, Полтаво-Брединское – 1%. А доля самого Урала в общероссийской добыче поднялась с 2,2% в 1900 г. до 3,3% в 1913 г. и до 5% к 1917 г. Столь серьезное увеличение удельного веса уральского угля на российском рынке объясняется тем, что из-за начавшейся мировой войны импорт угля из Англии и Германии стал невозможен, а Домбровский бассейн по причине неудачных военных действий был утрачен. Тем не менее, несмотря на возрастающие трудности, объемы добычи каменного угля на Урале продолжали увеличиваться с 353 тыс. т. в 1900 г. до 1578 тыс. т. в 1917 г. Этот рост, обеспечивался расширением районов добычи на новых месторождениях, вводом новых предприятий и механизацией уже действующих. Проводившиеся геологоразведки позволяли рассчитывать на относительно благополучную обеспеченность этих предприятий запасами угля. Однако было бы неправильным утверждать, что накануне революции 1917 г. отрасль стояла на пороге периода бурного роста, и только политические события привели к затягиванию первой стадии жизненного цикла отрасли на десятилетие, так как для качественного рывка в развитии уральской угледобычи по прежнему отсутствовали необходимые условия в виде резко увеличивающегося спроса со стороны потенциальных потребителей ее продукции. «Топливный голод», несомненно, носил временный характер, и прекращение войны неизбежно должно было

привести к перенасыщению уральского топливного рынка низкокачественным уральским углем.

В третьем параграфе – «Состояние уральской угледобычи в годы революции и гражданской войны (1917 – 1921 гг.)» изучены условия деятельности уральских копей в чрезвычайных обстоятельствах. Учреждение советской властью в ноябре-декабре 1917 г. рабочего контроля на предприятиях угольной промышленности стало началом процесса их национализации, который завершился к маю 1918 г. Изменение формы собственности задавало новые институциональные рамки для деятельности отдельных предприятий. В первую очередь изменилась система управления шахтами, во главе которых встали органы рабочего самоуправления – деловые советы.

Однако уже с конца мая 1918 г. Урал оказался охвачен трагическими событиями гражданской войны, которые негативным образом сказались на материально-техническом состоянии копей. Часть копей в большинстве уральских бассейнов была взорвана или затоплена отступающими частями красной, а затем и белой армии. Белые попытались восстановить работу копей, для этого они воссоздали Уральское управление по топливу, ликвидированное большевиками. Используя, в основном, открытую добычу, им удалось несколько увеличить выдачу угля «на гора» на некоторых не разрушенных коях. Но летом 1919 г. в военных действиях наступил перелом, и колчаковцы начали эвакуацию оборудования и персонала копей. Правление Челябинских копей так описывало состояние рудников после ухода белых: «Из магазинов и конных дворов вывезено все имущество, в том числе сбруя. Угнаны почти все рабочие лошади. Полностью эвакуировано маркшейдерское бюро с планами подземных, открытых и разведочных работ, изъят съемочный и чертежный инструмент, все финансово-счетные книги и документы из главных контор».

Деятельность государства как нового собственника отрасли открывала новые возможности в использовании мобилизационных инструментов. Это проявилось, в первую очередь, в способности государства к управлению дефицитными ресурсами, как людскими, так и материальными. Кратковременный период, в течение которого контроль над предприятиями отрасли принадлежал белым, ситуации в корне не менял, так как распределение продукции копей жестко регулировалось потребностями белой армии, т.е. продолжал контролироваться государственными институтами. После возвращения под власть большевиков отрасль получила от государства национализированное и привезенное из других мест оборудование (от экскаваторов и вагонов до электростанций), все необходимые для работы материалы (лес, стройматериалы, инструмент, вплоть до предметов одежды и продовольствие), а также новые контингенты принудительно трудящихся рабочих. Милитаризация труда шахтеров, проведенная осенью 1919 г. означала, то все рабочие и служащие копей стали считаться призванными на военную службу с прохождением ее на месте работы. А в 1920 г. для пополнения рабочей силы были задействованы солдаты 1-ой армии труда. При этом потребность в угле была очень острой, так как под контролем большевиков, кроме месторождений Урала, оставались только шахты Подмосковного бассейна.

Общеуральская добыча, опустившись в 1918–1919 гг. до нижней отметки разрушения, когда добывалось всего по 700-800 тыс. т. (т.е. только половина от уровня 1917 г.) сумела за два последующих года ценой невероятных усилий подняться до отметки 1009 тыс. т., почти достигнув довоенного уровня (в 1913 г. на

Урале было добыто 1172 тыс. т.). Значение уральского угля в топливном балансе страны в годы гражданской войны резко возросло с 5% в 1917 г. до 10% в 1920 – 1921 гг. Однако это было вызвано, в первую очередь, катастрофической ситуацией в других бассейнах страны, а также тем, что общероссийская добыча в 1920 – 21 гг. составляла только 27 – 30% от уровня 1917 г. и менее четверти (24%) от довоенного 1913 г.

В четвертом параграфе – «Угольная отрасль в условиях восстановительного периода (1921 – 1926 гг.)» проанализированы причины затяжного восстановления уральской угольной промышленности.

Новая экономическая политика включала в себя, в качестве одной из стабилизационных мер, перевод промышленных предприятий на начала коммерческого расчета, который и был осуществлен в марте 1921 г. Реформа предусматривала, что для плановых потребителей, в число которых входили железные дороги и, электростанции, на некоторые виды промышленной продукции, прежде всего на топливо, коммерческие цены не должны были распространяться. Для этих категорий потребителей действовали установленные государством твердые и существенно заниженные цены. Таким образом, топливный комплекс обеспечивал промышленность и транспорт дешевым топливом, способствуя относительно безболезненному переходу к новым условиям хозяйствования всех остальных отраслей.

На ведение хозяйственной деятельности в начале 1921 г. Наркомфин выделил добывающим уголь предприятиям оборотные средства в объеме, необходимом для закупки материалов, заготовки строительного леса и оплаты труда рабочих. Однако из-за того, что предприятия-поставщики реализовывали свою продукцию уже по коммерческим ценам, а угольные копи еще нет, эти оборотные средства быстро исчерпались. Следствием стал хронический финансовый дефицит, когда на осуществление текущих платежей приходилось расходовать средства, отпущенные на добычу в следующие месяцы. Начались многомесечные задержки заработной платы и все это на фоне надвигающегося на страну голода. Именно угроза голода удерживала рабочих от увольнения с предприятий, которые были способны выплачивать только натуральную (продуктовую) часть заработной платы. В октябре 1922 г. угольные предприятия Урала были трестированы. Предприятия, входившие в трест, не имели права юридического лица, а считались производственными единицами треста. Они не имели ни своего баланса, ни своей отчетности, не могли самостоятельно выступать на рынке. Руководители отдельных предприятий даже не знали, как работает их шахта, так как балансы хорошо работающих предприятий сливались с балансами отстающих. Тресты и синдикаты были монополистическими объединениями, которые были заинтересованы в повышении цен. В 1923 г. цены на уголь дошли до уровня, ставившего на грань банкротства большинство неплановых потребителей. Однако главное управление по топливу ВСНХ отказывалось снижать цены даже, несмотря на явное перепроизводство угля.

Крупнейшие на Урале Челябинские и Кизеловские копи более 70% своей продукции отдавали по плановым нарядам на нужды железных дорог и других плановых потребителей, в то время как стоимость получаемого копиями продовольствия и дензнаков покрывала только 50-55% отчуждаемой продукции. С установлением платности угля плановые потребители, и, в первую очередь, железные дороги взялись за упорядочение своего теплового хозяйства и начали

экономить и отказываться от потребления низкокачественного уральского угля. Диктат со стороны крупнейших потребителей (железных дорог) толкал отрасль к новому витку кризисных явлений: начались массовые увольнения рабочих, занятость в отрасли сократилась в два раза, а часть добычных единиц во всех бассейнах Урала была закрыта или законсервирована. В результате, довоенный уровень 1913 г. был превзойден только в 1925 г. (1254 тыс. т.), а на уровень рекордного 1917 г. (1554 тыс. т.) угольная промышленность региона сумела выйти только в 1926 г.

Качественный скачок в развитии уральской каменноугольной промышленности был невозможен без расширения спроса на продукт отрасли со стороны новых, не менее крупных, чем железные дороги, потребителей. Уральские заводы в условиях восстановительного периода еще только переходили с древесного угля на минеральное топливо, да и качество уральского угля их не устраивало из-за высокой зольности и ограниченной способности к коксованию. Другой потенциальный потребитель – электростанции также находился в начальной стадии своего становления. Только сдвиги в технологических возможностях этих потенциальных потребителей и упорядочивание государственных мероприятий в деле планирования производства и изучения природных богатств могли открыть дорогу следующему этапу жизненного цикла уральской угледобычи.

Вторая глава – Этап «роста» уральской угольной промышленности (конец 1920-х – конец 1950-х гг.) состоит из четырех параграфов и хронологически охватывает период интенсивного развития уральской угледобычи, связанный с политикой ускоренной индустриализации и расширением спроса на продукцию отрасли, вызванным Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением народного хозяйства.

В первом параграфе – «Факторы увеличения добычи каменного угля на Урале» изучены отдельные факторы, воздействовавшие на активизацию добычи угля на Урале в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Наиболее значимым и ведущим был институциональный фактор, который проявился в использовании новых инструментов управления отраслью ее новым собственником – государством. Прежде всего – это создание государственных планов развития отрасли и народного хозяйства в целом. Первым таким долгосрочным планом развития стала программа ГОЭЛРО (1920 г.) Однако для ее реализации в части, касающейся непосредственно угольной промышленности Урала, у государства до конца восстановительного периода не хватало средств на инвестиции. Поэтому ВСНХ неоднократно корректировал плановые задания для уральских копей в сторону их уменьшения. В конце 1920-х начинается активная стадия разработки идеи Урало-Кузнецкого угольно-металлургического комбината, которая была бы неосуществима без существенного увеличения добычи местного топлива, так как нагрузка на железнодорожный транспорт в ходе реализации данного проекта была невероятной. Перевод уральских металлургических предприятий на потребление сибирского минерального топлива, строительство в регионе множества новых промышленных предприятий-гигантов и обслуживающих их электростанций могли парализовать движение по Транссибирской железнодорожной магистрали, что ставило под сомнение саму возможность создания нового стратегически необходимого промышленного центра в глубине страны. Таким образом, на шахтеров, шахтостроителей и геологов легла

огромная ответственность по обеспечению Урала собственным энергетическим топливом, которое должно было вытеснить дальнепривозной кузнецкий уголь. Окончательное оформление идея создания второй угольно-металлургической базы на востоке страны получила в ходе разработки первого пятилетнего плана. В 1928 г. были подготовлены первые контрольные цифры плана на 1931/32 г. По ним, добычу угля в регионе планировалось поднять в 3 раза с 1,9 млн. т. в 1928 г. до 6,1 млн. т. к 1932 г., а в 1929 г. эти цифры были подняты до 16 млн. т. Таким образом, государство, выступая одновременно и производителем товара (угля) и его потребителем сформировало институциональные условия для расширения гарантированного устойчивого спроса, который и обеспечивал бы, вместе с государственными инвестициями рост добычи.

Технологический фактор проявился в том, что технологические возможности потребителей угля (железных дорог, уральских заводов и электростанций) были приведены в соответствие с производственными возможностями производителей. В годы первой пятилетки была реконструирована и расширена сеть железных дорог в регионе, а также были построены несколько мощных электростанций. Эти новые энергетические предприятия обошли железные дороги по объему использования уральских углей, став надежным и наиболее крупным их потребителем.

Ресурсный фактор проявился двояко: во-первых, были еще недостаточно изучены геологические возможности месторождений, а во-вторых, расширение добычи требовало масштабного привлечения новой рабочей силы, которую было необходимо обеспечить хотя бы минимальной социальной инфраструктурой. Первая из проблем была решена в начале 1930-х гг. с помощью расширения геологических разведок, а вторая – путем использования принудительного труда спецпереселенцев. Таким образом, в решении проблемы ресурсов государство, как собственник отрасли, пошло по проверенному в период мировой и гражданской войн пути мобилизации.

Фактор конкуренции. Система государственного планирования искусственно подавляла этот фактор, так как в основе ценообразования лежали не соображения прибыли, а разнообразные интересы – военные, пропагандистские, внешнеполитические, ведомственные и др. Государство, как собственник всей крупной промышленности и транспортных коммуникаций в стране, могло назначать любые удобные ему цены на перевозку кузнецкого угля на Урал, что снимало вопрос о реальной себестоимости привозного топлива.

Во втором параграфе – «Развитие угольной промышленности Урала в годы первых пятилеток (1928 – 1940 гг.)» основное внимание обращено на развитие отдельных бассейнов и месторождений Урала в период индустриализации. Реализация топливной промышленностью Урала первого пятилетнего плана потребовала изменения управленческой вертикали отрасли. Для руководства всей угольной отраслью края в 1928 г. был создан трест Уралуголь, объединивший все предприятия Кизеловского и Челябинского бассейнов, а также Егоршинского месторождения. Бывшие самостоятельные тресты вошли в него на правах рудоуправлений. Для выполнения контрольных цифр первого и второго пятилетних планов требовалось заложить по всем районам Урала 178 новых шахт и разрезов. Общая численность трудящихся в угольной промышленности края, по мнению плановых органов, должна была подняться к 1932 г. до 80,5 тыс. человек, а к 1938 г. – до 153,5 тыс. человек. Однако за первую пятилетку на Урале было

заложено только чуть более 20 шахт общей мощностью 18,9 млн. т., что в 6,5 раз превысило суммарную мощность всех шахт, до того работавших в регионе, но вступить в строй из них успели не все. Наряду с этим, было реконструировано 6 старых шахт, мощность которых возросла почти в 2 раза. Тем не менее, общая добыча бассейнов Урала к концу первой пятилетки составила только 3,1 млн. т., что было в 2 раза меньше планового задания 1928 г. и в 5 раз меньше скорректированных заданий 1929 г. Особенно плачевно выглядели показатели Кизеловского бассейна, где в 1933 г. было добыто всего 2 млн. т., вместо запланированных 11,5 млн. т. Основные причины – отсутствие достоверной информации о горных выработках, затягивание сроков строительства и низкий уровень механизации шахт. Кроме того, государство отпускало не достаточно кредитов на строительство новых добычных предприятий и особенно на жилье для шахтеров.

Надежды на резкое увеличение добычи у руководства отрасли были связаны с включением в разработку новых месторождений и расширением добычи угля открытым способом. Так, в 1934 г. на Коркинском месторождении был пущен самый крупный по тем временам на Урале разрез проектной мощностью 2,5 тыс. т. в сутки. Однако не везде ожидания оправдались. Так, неудачными оказались вложения в развитие Алапаевского, Домбаровского и Полтаво-Брединского месторождений. К 1937 г. на Урале добывали уже 8 млн. т., однако это было существенно меньше заданий второй пятилетки. Хронические срывы производственной программы привели к поиску «виноватых». Волна репрессий прокатилась по всем бассейнам. В 1939 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление «О развитии добычи угля на Урале», в котором ставилась задача ликвидировать зависимость уральской экономики от дальнепривозного топлива. С этой целью предусматривалось довести добычу к концу третьей пятилетки до 27,7 млн. т. Но и эта программа осталась не выполненной, на этот раз помешала война. Всего за годы первых пятилеток суммарная добыча угля на Урале увеличилась в 6 раз с 1,8 млн. т. до 11,9 млн. т., в этот период здесь были пущены в строй 41 шахта и 4 разреза.

В третьем параграфе – «Угольная промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны» показаны те изменения в отрасли, которые произошли под воздействием чрезвычайных обстоятельств военного времени. В 1941 г. под оккупацию попал Донецкий угольный бассейн, где до войны добывалось более половины всего твердого минерального топлива СССР. Вызванный этим дефицит топлива поставил промышленность и транспорт страны на грань полной остановки. Особенно сильно этот дефицит ощущался на Урале, куда было эвакуировано более 600 промышленных предприятий. Угледобывающие предприятия Урала и Сибири, стали основными поставщиками топлива. Доля Урала в общесоюзной добыче выросла с 7% в 1940 г. до 21% в 1943 г. В этих обстоятельствах правительство требовало от уральских бассейнов резкого увеличения добычи. Следует заметить, что внутренние резервы для этого на Урале имелись, так как к началу войны ни одна из шахт так и не вышла на свою проектную мощность. Кроме того, предполагалось в кратчайшие сроки построить новые добычные единицы и начать хозяйственное освоение перспективных месторождений: Волчанского, Гремячинского, Коспашского, Еманжелинского. Всего за годы войны на Урале было построено Наркомуглем СССР 37 шахт и 8 разрезов, общей мощностью в 15,4 млн. т.

Строительство новых добычных предприятий требовало привлечения в угольную промышленность огромного числа рабочих рук, и это притом, что из-за мобилизаций отрасль и без того потеряла десятки тысяч своих опытных рабочих. В одном только тресте Молотовуголь во второй половине 1941 г. вместо ушедших на фронт прибыло 9 тыс. новых рабочих, что сразу же резко снизило производительность труда на шахтах. Источниками решения проблемы трудовых ресурсов стали: использование эвакуированного населения, особенно рабочих из Донбасса, направление в угольную промышленность выпускников ФЗО других отраслей, трудовые мобилизации населения, активное привлечение к работе на шахтах и разрезах женщин, а также значительное расширение использования системы принудительного труда. Так, на комбинате Челябинскуголь к 1945 г. к категории вольнонаемных относились только 30,2% рабочих. Еще около 2,9% давали присланные на Урал по мобилизации донбассовцы и 5,2% – эвакуированные из западных областей СССР. Все же остальные (более 61,7%) являлись различными категориями трудящихся принудительно: мобилизованные НКО из Средне-Азиатского военного округа – 14,2%, трудмобилизованные советские немцы – 12,4%, трудпоселенцы – 2,9%, рабочие батальоны – 1,9%, репатриированные – 20,5%, интернированные – 1,4%, заключенные ИТК – 1%, немецкие военнопленные – 6,7%. Подобная же картина наблюдалась и по всем остальным уральским бассейнам. Таким образом, именно использование принудительного труда стало решающим фактором в обеспечении отрасли рабочими руками в условиях их тотального дефицита.

Кроме того, шагами, позволяющими ускорить добычу стали: широкое использование подземных буровзрывных работ и расширенное применение открытого (разрезного) способа добычи. В итоге, общий рост добычи угля на Урале за годы войны составил 178% (с 14 до 25 млн. т.). Проблема снабжения уральской промышленности местным энергетическим углем была практически решена в 1944 г. Это позволило существенно разгрузить железные дороги востока страны для других грузов и высвободить часть подвижного состава, ранее задействованного на перевозках угля в рамках Урало-Кузнецкого комбината.

В четвертом параграфе – «Состояние отрасли в середине 1940-х – второй половине 1950-х гг.» дается оценка деятельности угледобывающих предприятий региона в условиях восстановительного периода. Послевоенному увеличению спроса на местный уголь способствовал рост мощности уральской энергетики, запланированный в IV и V пятилетних планах, которые также предусматривали ввод в эксплуатацию на Урале 49 новых шахт и реконструкцию или пуск новых горизонтов на 44 действующих предприятиях. Особое внимание в планах нового строительства уделялось руководством отрасли освоению новых перспективных месторождений, среди которых важнейшее место занимало Бабаевское месторождение бурого угля в Башкирии. Таким образом, был введен в эксплуатацию Южноуральский бассейн, разрабатывавшийся со второй половины 1940-х гг. комбинатом Башкируголь. С его освоением завершилось формирование системы угледобывающих предприятий региона. Наряду с новым шахтным строительством успешное выполнение заданий послевоенных пятилеток объясняется также и успехами в деле механизации производства. Именно вторая половина 1940-х – 1950-е гг. стали для отрасли периодом завершения механизации основных производственных операций – проходки, добычи, погрузки, откатки, подъема и транспортировки угля. Внедрение новой техники и особенно угольных

комбайнов вместо врубовых машин позволило перейти в конце 1940-х гг. к внедрению цикличной организации труда, которая предусматривала осуществление цикла очистных работ за сутки или за смену, а в 1950-е гг. был осуществлен переход на многоцикличные графики работы. Успехи в деле механизации вели к существенному изменению характера шахтерского труда. Теперь доминирующим становился уже не тяжелый ручной труд в забое, но труд квалифицированный, требующий специальных знаний для обслуживания горной техники. В середине 1950-х гг. произошел отказ от использования в отрасли принудительного труда, что вновь выявило проблему привлечения рабочих рук. В этих обстоятельствах, чтобы сохранить трудовые коллективы, государство существенно повысило заработную плату шахтеров и общественный статус горняков. Были созданы профессиональный шахтерский праздник и отраслевые награды. С конца 1940-х гг. была проведена основная работа по благоустройству шахтерских городов – построено долговременное жилье, начаты работы по сооружению водопровода, канализации и др. коммунальных благ, проведено озеленение городов и поселков, с нуля созданы образовательные учреждения. Шахтерские города начали обзаводиться собственно городской инфраструктурой.

Итогом развития угледобывающей промышленности края в послевоенный период, совпавший с завершением этапа роста в жизненном цикле отрасли, стало то, что суммарная добыча угля на Урале увеличилась в 2,3 раза с 25,1 млн. т. в 1945 г. до 58 млн. т. в 1958 г. Но доля Урала в общесоюзной добыче снизилась до 11% из-за быстрого восстановления Донбасса и развития других бассейнов. При этом, к концу 1950-х гг. возможности дальнейшего расширения добычи за счет вовлечения в хозяйственный оборот новых месторождений на Урале оказались полностью исчерпаны. Более того, стал наблюдаться и обратный процесс, когда происходило закрытие ряда действующих производств, вызванное истощением их ресурсной базы, возрастающими эксплуатационными издержками и сложными горно-геологическими условиями. Так, в данный период были ликвидированы Домбаровские, Полтавские и Брединские копи. С проблемой ресурсов столкнулись и шахты Кизеловского бассейна. В 1954 г. комбинат «Молотовуголь» впервые сигнализировал министерству, что имеющихся запасов угля в бассейне может хватить только на 25-30 лет эксплуатации.

Третья глава – Завершающие этапы жизненного цикла уральской угледобычи (вторая половина XX – начало XXI вв.) состоит из трех параграфов и хронологически охватывает период от прохождения отраслью пика своего развития в 1960-е гг. до реструктуризации отрасли и прекращения добычи угля на Урале в 2000-е гг.

В первом параграфе – «Недолгая «зрелость» (конец 1950-х – середина 1960-х гг.)» описывается стадия зрелого развития отрасли, которая по времени совпала с хрущевскими преобразованиями в экономике и обществе. Наиболее четким индикатором достижения отраслью «зрелой» стадии развития является замедление темпов прироста, и последующая стабилизация с поддержанием достигнутого уровня производства в течение определенного времени. Инерция позитивных процессов, заложенных на предыдущем этапе развития отрасли, способствовала продвижению уральских бассейнов к максимальным уровням их добычи. Во-первых, это объясняется выходом большинства действующих предприятий на их проектную мощность, а во-вторых – продолжавшимся ростом

производительности труда шахтеров, вызванным завершением комплексной механизации забоев и лав и синхронизацией всех производственных процессов.

Однако успехи в деле механизации и рост производительности были не способны полностью компенсировать собою нарастающие проблемы отрасли, связанные с общим снижением рентабельности угледобычи, истощением действующих месторождений и изменением приоритетов государственной экономической политики. В 1958 г. 78% всех угледобывающих предприятий СССР были планово-убыточными, причем у двух третей из них убыточность превышала 30%. На Урале не убыточными являлись только 11,2% угледобывающих предприятий. Рентабельность угледобычи напрямую зависела от ее себестоимости, в которой основные издержки составляли расходы на оплату шахтерского труда. Поэтому любое повышение благосостояния шахтеров автоматически снижало рентабельность производства. Вместе с тем, курс на отказ от использования системы принудительного труда, принятый руководством страны в середине 1950-х гг. потребовал создания комплекса материальных и нематериальных стимулов, с помощью которых отрасль могла бы сохранить свои трудовые коллективы. Катастрофически нарастающие проблемы с рентабельностью одной из системообразующих, базовых отраслей советской промышленности заставили руководство страны искать выход в оптимизации энергобаланса народного хозяйства за счет вытеснения дорожающего твердого топлива более экономичными нефтью и газом. Эта политика, реализовывавшаяся с 1960-х гг., получила название «газовой паузы».

Строительство мощных газопроводов позволило полностью или частично перевести на сжигание газа ряд крупнейших уральских электростанций. В итоге, уже в 1962 г. уголь утратил свою главенствующую роль в топливном балансе. Конкуренция со стороны товаров заменителей стала активно вытеснять угледобывающие предприятия с многих привычных рынков сбыта их продукции и, в первую очередь, с рынка энергетического топлива. Ситуация осложнялась и тем, что помимо электростанций от твердого топлива стали отказываться и другие традиционные покупатели. Так, с начала 1950-х гг. начался процесс реконструкции локомотивного парка советских железных дорог. Паровозы стали все активнее вытесняться локомотивами следующего поколения – электровозами и тепловозами.

Непреодолимым препятствием для сохранения темпов роста добычи угля на Урале стало постепенное исчерпание запасов. Общие балансовые запасы угля в регионе к 1958 г.. составляли 5320,7 млн. т. Исходя из наличия балансовых запасов, обеспеченность ими угледобывающих предприятий была везде одинаково удручающей: в Кизеловском бассейне – 25 лет, в Свердловской области – 31 год, в Челябинском бассейне – 46 лет, в Южно-Уральском (Кумертау) – 44 года. Эти расчеты стали своеобразным приговором, в соответствии с которым на Урале в XXI столетие не смогло бы войти ни одно предприятие отрасли. В итоге, Кизеловский угольный бассейн достиг пика своей добычи (12 млн. т.) в 1959 г., Челябинский (23,7 млн.т.) и Богословский (21,2 млн. т.) – в 1965 г. Только в «Башкиругле» пик придется на более поздний период – вторую половину 1970-х гг. Суммарный прирост производства угля на Урале в 1958-65 гг. составил только около 6%, а доля Урала в общесоюзной добыче снизилась за тот же период до 10,6%.

Во втором параграфе – «Развитие отрасли в условиях «упадка» (середина 1960-х – 1980-е гг.)» отмечается, что со второй половины 1960-х гг. началось

относительно быстрое сокращение добычи, свидетельствующее о наступлении следующей стадии жизненного цикла – «упадка». Одним из индикаторов, указывающим на наступление «упадка» является активность руководства отрасли в деле сокращения издержек. Для решения именно этой задачи на этапе «упадка» проводятся структурные реформы, направленные на оптимизацию, упразднение неэффективных звеньев управления и рационализацию производства. Для угледобывающей промышленности переход на новую систему планирования, начатый с 1965 г. был сопряжен с рядом трудностей, вызванных отрицательной рентабельностью большинства предприятий отрасли. Так как оставалось нерешенным то, откуда могла возникнуть прибыль на планово-убыточных предприятиях, и какую долю плановых убытков можно было бы пустить на материальное стимулирование? В конечном счете, прибылью стали считать сокращение плановых убытков.

Другой новой проблемой стал избыток специалистов горного дела, который начал ощущаться на Урале с 1970-х гг. и проявлялся в том, что выпускники горных вузов вынуждены были идти на рабочие должности. При этом перепроизводство кадров для отрасли сопровождалось обратной тенденцией – старением шахтерских коллективов. На некоторых шахтах Челябинского и Кизеловского бассейнов в середине 1970-х гг. ожидалось, что в ближайшие 3-5 лет на пенсию должны были выйти около 40% всех рабочих. Вызвано это было тем, что в 1970-х гг., по зарплате угледобывающая отрасль вновь сравнивалась с другими отраслями промышленности и привлекательность шахтерской профессии снизилась.

Исчерпание запасов и нерентабельность большинства уральских шахт требовали ликвидации наиболее убыточных предприятий и строительства в городах и поселках, для которых они были градообразующими, новых производств. Однако до конца 1980-х гг. никаких практических шагов по перепрофилированию шахтерских моногородов так и не было предпринято. Проблемы загонялись вглубь, их решение откладывалось, что естественно ввергало шахтерские поселения Урала в состояние депрессии. Так, практически все они испытали масштабный отъезд экономически активного, но не имеющего возможности трудоустроиться в городе населения. За период 1959 – 89 гг., население Гремячинска сократилось на 31,3%, Губахи – на 32,4%, Кизела – на 39,8%, Карпинска – на 18,3%, Волчанска – на 40,7%, Еманжелинска – на 7,4%, Копейска – на 10,1%, Коркино – на 26%.

С середины 1960-х гг. и до конца 1980-х гг. добыча угля на Урале сократилась на 37,1 млн. т., в относительных же показателях это дает снижение более чем на 60%. Наиболее сильное падение добычи пережили «Вахрушевуголь» (80%), и «Кизелуголь» (68%). По «Челябинскуглю» сокращение добычи достигло 46%, а по «Башкируглю» – 38%. Доля Урала в общесоюзной добыче за рассматриваемый период снизилась с 10,6% в 1965 г. до 3,4% в 1990 г. Всего в регионе за эти годы была закрыта половина всех угольных шахт – 24 из 49. Газ и мазут практически вытеснили уголь с энергетического рынка региона (его доля в топливном балансе региона упала с 80% в 1958 г. до 16% в 2000 г.)

В третьем параграфе – «Кризис угольной отрасли на Урале (конец XX – начало XXI вв.)» показан процесс реструктуризации отрасли, завершившийся ее ликвидацией. Уже в конце 1980-х гг. социальные издержки развития отрасли стали не менее значимы, чем экономические, что проявилось в масштабном шахтерском забастовочном движении, добившемся от правительства повышения зарплат и

других уступок. Рост доходов шахтеров в свою очередь еще сильнее снизил рентабельность отрасли. В 1992 г. была проведена либерализация цен, но цены на энергоносители остались под госконтролем. К 1993 г. доля государственных дотаций в производстве угля превышала 70%, т.е. отрасль почти полностью финансировалась государством. Господдержка отрасли объемом в 2,1 трлн. руб. составляла 5% всех расходов бюджета. Нести и далее столь значительные расходы правительство и не желало и не могло. Поэтому была разработана программа реструктуризации угольной отрасли, целями которой были повышение эффективности угледобычи и сокращение нагрузки по ее содержанию на федеральный бюджет.

Первыми мероприятиями реструктуризации стали либерализация цен на топливо в 1993 г. и последовавшее за ним акционирование угледобывающих производственных объединений, проведенное во второй половине 1993 г. – начале 1995 г. Реструктуризация отрасли проходила на фоне мощного шахтерского протеста. В ноябре 1994 г., когда долги по зарплате достигли в среднем уже около трех месяцев, состоялось первое перекрытие железных дорог, а в феврале 1995 г. – всероссийская забастовка и пикеты в Москве. В 1996 г. в механизм господдержки начали вноситься существенные изменения, связанные с необходимостью выполнения правительством условий «угольного займа», предоставленного Мировым банком реконструкции и развития. Теперь основные средства стали направляться не на поддержку убыточных предприятий, а на создание рабочих мест в городах и поселках с закрывающимися шахтами.

Оставшись без господдержки, акционированные уральские угольные компании одна за другой вынуждены были приступить к самоликвидации. В первую очередь реструктуризация затронула Кизеловский бассейн, где с лета 1993 г. начался процесс ликвидации неперспективных и особо убыточных добычных единиц. Но, так как к категории особо убыточных можно было отнести любую шахту бассейна, то реструктуризация привела к их полной ликвидации в 2000 – 2001 гг. В 1998 г. Президиум междуведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов принял решение о ликвидации АО «Башкируголь». Ликвидационная комиссия на ОАО «Вахрушевуголь» приступила к работе в 2003 г. В крупнейшем на Урале Челябинском угольном бассейне из 10 шахт и 4 разрезов в 1993 г. была начата ликвидация половины предприятий. К 1999 г. задолженность по зарплате здесь достигла рекордных 10,5 месяцев. В отношении ОАО «Челябинскуголь» было возбуждено дело о банкротстве, приведшее к ликвидации предприятия. Его правопреемницей стала Челябинская угольная компания, в собственности которой находится единственное действующее до сих пор угледобывающее предприятие Урала – Коркинский разрез, который также находится в стадии ликвидационных работ.

Тяжелым следствием реструктуризации стало ухудшение экологической ситуации в районах, где была прекращена угледобыча. Однако по большинству закрытых предприятий полного комплекса ликвидационных мер произведено не было. Часто, вместо выполнения проекта полной ликвидации осуществлялась лишь временная консервация, при которой происходили только выемка оборудования, отключение поверхностных комплексов, перекрытие стволов шахт бетонными плитами и затопление шахт. В результате обнажились острые экологические проблемы углепромышленных территорий – приток подземных вод из закрытых

шахт и образование провалов земной породы. На большинстве уральских месторождений в «горе» остались еще миллионы тонн невыработанных запасов, однако их объем, качество и глубина залегания даже в самых оптимистических прогнозах не позволяют говорить о возможности возобновления добычи на каком-нибудь новом технологическом витке. В настоящий момент это лишено экономического смысла, а уже через десятилетие в бывших угледобывающих районах может не остаться рабочей силы, имеющей опыт горного дела.

В заключении подводятся итоги исследования. Жизненный цикл угледобывающей отрасли в уральском регионе завершился. Его общая продолжительность составила около полутора столетий с середины XIX до начала XXI вв. На протяжении всего этого времени отрасль выполняла одну, но зато очень важную и ответственную миссию – обеспечения уральского промышленного района собственными энергетическими ресурсами. Высокая концентрация на Урале предприятий тяжелой индустрии без наличия местной топливной базы оказалась бы невыполнимой как по экономическим, так и по геостратегическим обстоятельствам. Крупный промышленный район в глубине страны, удаленный от всех границ в случае как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических осложнений должен был сыграть и, в конечном счете, сыграл важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности России. Обладая относительно скромными по сравнению с другими макрорегионами запасами каменного и бурого угля Урал дважды – в годы гражданской войны и в период войны Отечественной становился основным производителем твердого топлива в стране. Доля Урала в общероссийской (общесоюзной) добыче за полтора столетия колебалась в диапазоне от 2 до 20% со средним значением около 5%. При этом по своему вкладу в общую добычу угля Урал в разные годы соревновался за второе – третье место в стране с такими крупными бассейнами как Кузнецкий и Подмосковский.

Отрасль вышла победителем из конкурентной борьбы с топливом, господствующим на предшествующем технологическом укладе – дровами и древесным углем, затем выдержала конкурентное давление со стороны нефти, выступавшей товаром-заменителем угля, и только природный газ, оказавшийся дешевле и удобней в эксплуатации, сначала существенно пошатнул ее позиции, а затем и почти полностью вытеснил отрасль с топливного рынка региона.

Продолжительность жизненного цикла была неодинаковой для отдельных бассейнов и месторождений Урала, что объясняется как объективными различиями в количестве и качестве залегающего в разных районах угля, так и субъективными обстоятельствами государственной промышленной политики. Наибольшей она была в богатейшем и наилучшем по качеству угля Кизеловском бассейне, где первые добычные предприятия появились в конце XVIII в., а промышленная добыча велась с середины XIX в. и завершилась только на рубеже XX и XXI вв. Более столетия продолжались циклы Челябинского бассейна, Богословского и Егоршинского месторождений. По половине столетия было отмерено Кумертаусскому и Полтаво-Брединскому месторождениям Южно-Уральского бассейна. Тем не менее, большую часть исторической «эры углеводородов» все вышеперечисленные бассейны прошли вместе, почти синхронно переживая стадии своего жизненного цикла.

Каждая из этих стадий сопровождалась процессами, прогнозируемыми базовой теорией (product life cycle), что свидетельствует о работоспособности данной теории в специфических условиях экономической истории России XX века.

На каждом из этапов на развитие отрасли оказывали сильнейшее воздействие четыре основных фактора: институциональный, ресурсный, технологический и фактор конкуренции, которые, в различных сочетаниях, и определяли отраслевую динамику. Эти факторы проявлялись с разной силой в зависимости от экономической политики, проводившейся в стране. Так, мобилизационная политика, подавляющая фактор конкуренции, искусственно стимулировала спрос на продукцию отрасли и насыщала производство дешевой рабочей силой, а подключение рыночных механизмов обнаруживало низкую рентабельность отрасли, неспособность ее к функционированию без государственной поддержки и, в конечном счете, вело отрасль к кризисам. Государственное планирование в сочетании с государственным же регулированием цен позволяли долгое время закрывать глаза на очевидные проблемы с рентабельностью добычи местного топлива. Это, в свою очередь, открывало государству возможность реализовывать амбициозные инфраструктурные проекты, такие как Урало-Кузбасс. При всей их затратности и сомнительной экономической эффективности они дали отдачу именно тогда, когда этого требовалось больше всего – в годы войны. Поэтому определенная экономическая инфантильность уральской угледобывающей отрасли и сильная зависимость от государственной поддержки компенсировалась ее стратегической значимостью.

Завершение жизненного цикла уральской угольной промышленности сопровождалось тяжелыми социальными последствиями. Связаны они с тем, что вокруг угледобывающих предприятий в середине XX в. были построены города и рабочие поселки, для которых отрасль была не просто градообразующей, но, подчас, являлась единственной структурой, вмещающей трудовые ресурсы этих поселений. Монопрофильность, культивировавшаяся десятилетиями, стала тяжелым грузом, препятствующим диверсификации и модернизации углепромышленных территорий, особенно после прекращения в них добычи угля. Построенный благоустроенный жилищный фонд и объекты социальной инфраструктуры становятся препятствием для расселения наиболее проблемных поселений, а неблагоприятная экологическая обстановка (нарушения почвы, подтопления и т.п.) и узость производственной базы препятствуют размещению в этих территориях новых крупных промышленных предприятий, способных сбалансировать рынок труда. Таким образом, негативные социальные и экологические последствия, по всей видимости, продолжают оказывать свое воздействие в относительно долгосрочной перспективе.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Баканов С.А. Проблема исчерпания ресурсной базы уральской угольной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета № 34 (48) 2011. С. 46-50. (0,4 п.л.)
2. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. №1(30). 2011. С.57–62. (1. п.л.)
3. Баканов С.А. Коксохимия в контексте модернизации: взгляд историка // Известия Уральского университета №4(66), 2009. С. 260-262. (0,3 п.л.)

4. Баканов С.А. Перспективы использования теории "жизненного цикла товара" в историко-экономических исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета №4 (29) 2009. С. 164 – 167. (0,3 п.л.)
5. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала в условиях перехода к НЭП // Вестник Челябинского государственного университета № 23. (33) 2009. С. 110 – 118. (0,8 п.л.)
6. Баканов С.А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета № 32. (35) 2009. С. 65 – 70. (0,5 п.л.)
7. Баканов С.А. Неизвестная страница промышленной истории Урала: Полтаво-Брединское антрацитовое месторождение (1912 – 1960 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета № 12(31) 2009. С. 42 – 49. (0,8 п.л.)
8. Баканов С.А. Рабочие каменноугольной промышленности Южного Урала в 1907 – 1928 гг.: условия труда и быта // Уральский исторический вестник. № 1 (18) 2008. С. 30–36. (0,7 п.л.)
9. Баканов С.А. Развитие угольной промышленности Челябинского бассейна в годы первых пятилеток // Вестник Челябинского государственного университета №18, 2007. С. 70–77. (0,6 п.л.).

Монографии:

10. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. – Челябинск: Изд-во «Энциклопедия», 2012. – 328-с. (20,5 п.л.)
11. Копейск. Сто лет в истории Отечества. Историко-краеведческое издание/ под общей редакцией Баканова С.А./ – Челябинск, Изд-во "АБРИС", 2007. – 128-с. (в соавторстве, авторский вклад 5,5 п.л.)
12. Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960–80-е гг. Анализ социально-экономических и демографических факторов. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2005. – 191-с. (10 п.л.)

Статьи в сборниках научных трудов:

13. Баканов С.А. Шахтерские кадры Урала в годы Великой Отечественной войны // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XXI вв. Выпуск 3. Сборник научных трудов. / под ред. К.В. Фадеева. – Томск: ТГАСУ, 2011. С.172–179. (0,4 п.л.)
14. Баканов С.А. Развитие угольной промышленности Урала в годы первых пятилеток // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Т. 5. /Под ред. С.А.Баканова и Г.А. Гончарова/ – Челябинск: Изд-во "Рекпол", 2011. С. 73-89. (1,1 п.л.)
15. Баканов С.А. Реструктуризация угольной промышленности в Челябинской области в 1990–2000-е гг.// Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Материалы X юбилейной всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 27-28 сентября 2011. в 2-х тт. – Екатеринбург: УМЦ - УПИ, 2011. Т.2. С. 231-236. (0,3 п.л.)
16. Баканов С.А. Начало хозяйственного освоения Кизеловского угольного бассейна (конец XVIII – начало XX вв.) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – XX вв. Выпуск 2. Сборник научных трудов.

- / Под ред. К.В. Фадеева. – Томск: Изд-во ООО «Оптимум», 2010. С. 34–44. (0,6 п.л.)
17. Баканов С.А. Восстановление работы каменноугольных копей Урала после окончания боевых действий гражданской войны // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало – Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. – Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2010. С. 61–72. (0,7 п.л.)
 18. Баканов С.А. Зарождение каменноугольной промышленности на Урале в XVIII – XIX вв.: трудности внедрения нового продукта на рынок // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета Т. 4. / Под ред. С.А. Баканова, Г.А. Гончарова/ – Челябинск: Изд-во «Рекпол», 2010. С. 32–47. (1 п.л.)
 19. Баканов С.А. Изменение характера шахтерского труда как фактор развития угольной промышленности Урала в середине 1940-х – 1950-е гг. // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития. Сборник научных статей / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск: «Энциклопедия», 2010. С. 172–187. (0,8 п.л.)
 20. Баканов С.А. Генеральные планы шахтерских городов Южного Урала середины 1930-х гг. и их реализация // Советское градостроительство 1920-1930-х годов: новые исследования и материалы /Сост. И отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М., «Либроком», 2010. С. 300–310 (0,9 п.л.)
 21. Баканов С.А. Опыт решения проблемы трудовых ресурсов в районах нового освоения в первой половине XX в. на примере Кизеловского угольного бассейна // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Материалы всероссийской научной конференции. 17-18 ноября 2010. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С.160-165. (0,3 п.л.)
 22. Баканов С.А. Жизненный цикл отрасли: от зарождения до упадка (на примере угольной промышленности Урала в XX веке). // Экономическая история. Ежегодник 2009. – М., РОССПЭН. 2009. С. 193–211 (1 п.л.)
 23. Баканов С.А. Проблема обеспечения рабочей силой угольной промышленности Урала в контексте мобилизационных процессов первой половины XX века // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века /Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова/ – Челябинск: ООО "Энциклопедия", 2009. С.155–160. (0,7 п.л.)
 24. Баканов С.А. Советская экономика и коммерческий расчет: три попытки перевода угольной промышленности на новые условия хозяйствования // Мировое экономическое развитие и Россия (XIX – XX вв.) Материалы Международной научной конференции. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2009. С. 294 – 297. (0,2 п.л.)
 25. Баканов С.А. Институционализация научного направления "Экономическая история России": краткий обзор // Вестник Челябинского государственного университета №34 (27) 2008. С. 182–187. (0,5 п.л.)
 26. Баканов С.А. Копейск: спираль политической монополии // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета /Под ред. С.А. Баканова, Г.А.Гончарова/ – Челябинск: Изд-во «Рекпол», Т. 2, 2008. С. 78–85. (0,5 п.л.)
 27. Баканов С.А. Генеральные проект планировки и строительства шахтерских городов Челябинской области 1935–36 гг. // Город в зеркале генплана:

- панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII - начала XXI вв. /Под ред. Е.В.Коньшевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. С. 181–207. (1,7 п.л.)
28. Баканов С.А. Шахтерский город Камышное: нереализованный градостроительный проект середины 1930-х гг. // Уральские Бирюковские чтения /науч. ред. С.С.Загребин/ – Вып. 5. Историко – культурное наследие российских регионов. Часть 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. С. 265–268. (0,3 п.л.)
29. Баканов С.А. Челябинские каменноугольные копи в условиях революции и гражданской войны (1917–21 гг.) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы VIII Всероссийской научной конференции, 27-28 апреля 2007 г. в 2-х тт. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, Т.2. 2007. С. 140-141. (0,3 п.л.)
30. Баканов С.А. Появление первых городских поселений на территории Челябинского бурогоугольного бассейна // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX-XX вв.: монография / Под ред. Ю.В. Куперта, К.В. Фадеева. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2007. С.66–76. (0,6 п.л.)
31. Баканов С.А. Начало промышленного освоения Челябинского угольного бассейна (1907–17 гг.) // Индустриальное наследие: материалы III Международной научной конференции, г. Выкса, 28 июня-1 июля 2007 г./ редколл.: В.А. Виноградов (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд. центр ИСИ МГУ им. Н.П. Огарева, 2007. С. 582–589. (0,6 п.л.)
32. Баканов С.А. Факторы формирования депрессивных тенденций в развитии уральских городов во второй половине XX века // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. Сборник трудов Международной научной конференции /Под ред. В.А.Виноградова/ – М.Изд-во МГУ, 2006. С. 289–297. (0,6 п.л.)
33. Основы методологии компаративного клиометрического анализа эволюции региональных социально-экономических систем. Препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005./Отв. ред. Козаков Е.М./ – 57 с. (в соавторстве, авторский вклад 0,5 п.л.)